

18+

Светлана Гершанова

# ХРОНИКИ ПРЕСТИЖНОГО РАЙОНА



Светлана Гершанова  
**Хроники Престижного района**

«Гершанова Светлана Юрьевна»

2022

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Гершанова С. Ю.**

Хроники Престижного района / С. Ю. Гершанова — «Гершанова Светлана Юрьевна», 2022

ISBN 978-5-9907775-6-9

Роман остросюжетен. Это и криминальная драма, и детектив, и любовная история. Жизнь бывает разная у разных людей. И они живут этой жизнью, пока по каким-то своим непостижимым законам она не сводит их, сталкивает, переплетает Судьбы. Заставляет действовать в предлагаемых непростых обстоятельствах. Ставит перед сложным выбором. И каждый делает свой, который и определяет дальнейшую Судьбу. Автор не судит своих героев, не выносит приговоров. Сама жизнь всё ставит на свои места. Надеемся, что книга найдёт своего читателя и не оставит его равнодушным.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9907775-6-9

© Гершанова С. Ю., 2022  
© Гершанова Светлана Юрьевна, 2022

## Содержание

Пролог	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	54
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Светлана Гершанова**  
**Хроники Престижного района**  
*Роман*

\* \* \*

*Все права защищены. Использование произведения или его части без письменного разрешения автора преследуется по закону.*

© Гершанова С. Ю., 2022

## Пролог

### Глава 1 Питер, 1992 г.

Олег оказался с ней в лифте вдвоём. Как я её раньше не замечал, подумал удивлённо. Девочка была серьёзная, каштановые завитки выбивались из косичек на висках. Подняла на него глаза – голубые, чистейшие, ресницы длинные, как у ребёнка.

И вдруг у него засосало под ложечкой. Как я её раньше не замечал?

Она вышла на втором этаже, он поехал дальше, на пятый.

И ещё не раз они оказывались у лифта в одно время, будто Судьба сводила.

А она его заметила, выделила каким-то внутренним зрением из весёлой компании подростков.

У них была своя скамейка по дороге к подъезду. Сидели, стояли вокруг, мальчишки, в основном. Две девочки присутствовали. Одна сидела на спинке, другая – в центре, между мальчиками.

Кто-то рассказывал смешную историю под общий хохот. Он стоял с краю, лицом к ней, и смеялся так заразительно, что она улыбнулась невольно.

И узнала в лифте. И каждый раз при встрече опускала глаза, чтобы он не догадался, что ей нравится. Очень.

Когда в очередной раз проходила мимо их компании, он спросил у Милки:

– Кто это, не знаешь? Я её не видел раньше.

– Дочка новой дворничихи. А задаётся, будто принцесса. Я спросила, как зовут, говорит – Люся. Представляешь, ещё одна Людмила во дворе. Но я Милка, это Людка. А она – Люся!

Он с ней так и не заговорил. Пропускал на ступеньках или во дворе, смотрел вслед. Иногда она оборачивалась, чувствуя его взгляд, и улыбалась.

Имя ей очень шло. Он произносил его про себя перед сном протяжно:

– Лю-ю-ся... – Звучало нежно, как музыка.

Или на уроке, совершенно отвлекаясь от того, что происходит в классе:

– Лю-ю-ся...

Очень долго во взрослой жизни, меняя женщин одну за другой, ни к кому не испытывал такой нежности. И никого так не хотелось защищать, неизвестно, от кого и от чего.

Она с детства мечтала стать врачом. Годы шли, а это желание не проходило. Жили с мамой в маленьком городке. Отца в её жизни не существовало. Тихая, послушная, училась хорошо.

Мама Вера была уборщицей в школе, которую сама и окончила. Директор взял, когда встретил на улице беременную.

– Верочка, ты замуж вышла? Что так рано? Ты же хорошо училась, могла в техникум поступить или в институт.

– Не вышла я замуж, Захар Степанович. Бабушка покойная, спасибо, квартиру оставила, а то бы... отец выгнал из дому. На работу никто не берёт, это ж декрет платить!

– Приходи, зачислим техничкой, до родов поработаешь, а там посмотрим.

Так и осталась, школа рядом с домом, всегда можно сбежать, посмотреть, как дочка, и покормить.

Люся, когда подросла, пошла в ту же школу. Все знали, что у неё мама уборщица. Не дразнили, не то ещё было время. Но и в гости никто не звал.

Маленькой, она играла в куклы не в дочки-матери, а во врача и больного ребёнка. И в третьем-четвёртом классе продолжала играть.

В пятом мама Вера начала задумываться – может, и вправду её девочка станет врачом?

Медицинского института в их городке, естественно, не было, отпускать её одну в большой город страшно. В их окружении никто из своего городка не уезжал, институтов не кончали. Считали, высшее образование – блажь. Можно в два раза, а то и больше, заработать, и не сушить мозги за книгами.

И вдруг Люся спит и видит – доктором! Что она, мать-одиночка, могла сделать для своей девочки, такой старательной, умненькой, красивой?

Мыла утром полы в коридоре школы. Директор приходил рано. Остановила его:

– Захар Степанович, можно вас на минутку?

– Что случилось, Верочка?

– Не знаю, что мне с дочкой делать, хочет быть врачом.

– Ну и какие проблемы? Учится хорошо, даже если сразу не поступит, попытается ещё раз. Будет стипендия, общежитие.

– Боюсь её одну отпускать. Она у меня тихая, домашняя.

– Тогда тебе надо переехать в город, где есть мединститут. Лучше в Ленинград. Набирают лимитчиков на стройки, поработаешь – ну, штукатуром какое-то время, дадут жильё. Ты же никакой работы не боишься? А в любом ВУЗе есть подготовительные курсы.

Переехать надо заранее, за год, лучше за два. А ещё лучше устроиться дворником, сразу дадут служебное жильё. И чтобы Люся поработала нянечкой в больнице на каникулах, или лаборанткой в самом институте. Таким преимущество при поступлении.

Я думаю, она у тебя тоже никакой работы не боится. Знаешь, у меня остались друзья в Ленинграде, попрошу, подыщут тебе работу с жильём. Не боишься – одна с ребёнком в чужом городе, ни родных, ни знакомых?

– Родня от меня и так шарахается, знать не хотят, я же без мужа дочку родила. Позор для семьи. А в чужом городе, какой с меня спрос? Дочка и дочка.

Так Вера с Люсей, девятиклассницей, оказались в Питере.

Новая дворничиха была спокойной и приветливой. Не кричала на ребят, как старый дворник:

– Не шумите, мешаете отдыхать людям! Бросаете банки от пива – руки отсохнут до урны донести?

Попросила:

– Не бросайте мусор, мальчишки, спина болит, нагибаться.

Не бросали. С ними по-человечески, и они по-человечески.

– Не выражайтесь громко. Тут дети маленькие во дворе, люди пожилые. Неловко.

Не получалось. Мат прочно вошел в словарный запас, его не замечали. Девчонки в их дворовой компании во всём старались походить на ребят, были, что называется, свои в доску. И выпить, и покурить, и с лёгкостью пересыпать речь матом.

Это считалось особым шиком – вот мы какие! Не хуже мальчишек! Их принимали такими, какие есть.

Люся была, как девочка с другой планеты, светлой, чистой, незапятнанной. Ему хотелось драться за неё, защищать от всего мира, баловать, покупать мороженое.

Сказать что-то незначашее, и всё, они знакомы! Можно спросить, откуда приехали. Можно сказать что-то смешное и увидеть, как она улыбается. Можно пригласить в кино, или даже в кафе – у него же есть деньги!

А потом она стала бы его девушкой. И он мог бы обнимать её за плечи, как Андрей с четвёртого этажа обнимает Милку, когда поздним вечером они расходятся по домам. И поцеловать когда-нибудь!

Но он был наркокурьером и не имел права впускать её в свою, полную риска, жизнь.

Был бы театралом и видел «Обыкновенное чудо», мог бы сказать словами юноши-медведя:

– Что ты сделал для любимой?

– Я оставил её...

Когда этот парень проходил мимо их скамейки, они замолкали и смотрели с завистью. Американские джинсы, настоящие, не подделка с рынка, куртка коричневой кожи, не Турция, Греция. Кроссовки Адидас, и сумка Адидас, и бейсболка!

Он жил у них во дворе недавно. Проходил, глядя поверх голов, ни с кем не общался.

А однажды они с Олегом столкнулись перед лифтом, и парень спросил:

– Умеешь держать язык за зубами?

– А нужно?

– Если хочешь хорошо зарабатывать.

– Я готов.

– Зайдём ко мне. Можешь называть меня Сом.

– Тогда уж дядя Сом.

– Хорошо, пусть будет дядя.

Он стал наркокурьером. Работа была, не бей лежачего, – разложить пакетики с наркотиком по закладкам.

Появились первые деньги, можно не просить у родителей на каждую мелочь. И пиво, и водку попробовать.

Компания у них была шумная. Собирались вечером, была гитара, конечно.

И песни – старые блатные, неизвестно, каким образом дошедшие до них, и Окуджава, и Высоцкий.

Сомов жил этажом выше. Олег никогда не мог понять, почему потом, до самого своего ухода, опекал его, помогал во всём, наставлял и учил жизни.

Встречал на лестнице:

– Заходи, Олег, чайку попьём.

Иногда предлагал партию в шахматы. Играл с ним, как с котёнком, подставлял под удар фигуры. Блиц, и неизменный мат.

– Я учу тебя, как нужно проигрывать.

– Зачем? Я хочу выигрывать! Лучше бы этому поучили.

– Всему своё время. А проигрывать нужно уметь, держать удар с достоинством. Не просить пощады, не унижаться.

Главное, чтобы у тебя были большие деньги. О-очень большие. Ты можешь не тратить их, жить скромно, но знать, что они у тебя есть. Как фундамент для прочности, уверенности в себе. У нас не так много возможностей зарабатывать – или держать в руках всю торговлю, чтобы дань тебе платили, или оружие, или наркотики.

Я не бандит, и тебе не советую. Хотя боятся меня, знают, если что, и в тюрьме достану, и в колонии. И с того света! В оружии надо очень хорошо разбираться, и стреляет оно, когда под рукой. У нас тоже стреляют, но реже. Наркотики проще, тихая работа, но прибыльная. И пере-

стань думать, что ты делаешь что-то ужасное. Забивают людям голову – белая смерть, белая смерть! Ну, смерть, и что? Мы же не убиваем! Есть спрос, есть и предложение. За границей их в аптеках продают! И человечество сидит на наркотиках с самого своего возникновения. Грибы всякие, ягоды... говорят, это яд. Так змей уничтожьте, все ядовитые растения. Не знаешь, как обращаться, не трогай. Понравилось, значит, твоё. Дорого, так и любо!

И ты должен быть неуязвим, понимаешь? Чтобы у тебя ни одного слабого места, за которое можно ухватить, прижать.

Женщина есть женщина, но привязываться нельзя. Увидишь, что далеко зашло, не просто обычный секс, говори, мне пора домой. Или ей, если пустил к себе.

– Но это же больно!

– Если что, будет больней. А желающих сделать больно хватит через край. Будет много денег – надо делиться. Успешная фирма – почему именно твоя? А так, ты один рискуешь, только собой. Знаешь, на что идёшь, и не подставляешь родного незащитного человечка.

И надо быть невидимкой. Видишь всех, знаешь о многих, а о тебе – никто. Ни друзей, ни приятелей. Только на первый взгляд тяжело, привыкнешь. Полная внутренняя свобода, где бы ты ни был, и в тюрьме, если попадёшь. Ты сам по себе!

Семья Олега была, как миллионы других. Родители инженеры. Отец – начальник лаборатории, куда маму направили по распределению. Через год они поженились, хотя разница в возрасте – двадцать лет.

Он был старым коммунистом, солдатом партии без страха и упрёка. То, что произошло с его страной, институтом, которому он отдал сорок лет жизни, великой партией, подкосило его.

Институт закрыли, оборонка, которой он занимался, как многие другие, была никому не нужна. От кого обороняться? Запад наш лучший друг, учитель и помощник.

Родители оказались на улице, жили втроем на отцовскую пенсию. Отец почти не выходил из дому, сидел перед телевизором и громко спорил с любым оратором по ту сторону экрана:

– Предатели! Продажные твари! Профукали такую страну!

Мама уходила на кухню. Олег сбегал во двор.

Там были другие настроения. Все стали коммерсантами и радовались наступившей свободе. Город превратился в огромный рынок, чем только не торговали на каждом углу! Жизнь бурлила, перед тем, как обрести другое русло.

Лихие девяностые...

Когда маме удавалось уговорить отца выйти на воздух, было ещё хуже. Он ненавидел торгашей. Ненавидел подростков на скамейке, которую не мог миновать. Ненавидел хлынувшую через рухнувшие границы чужую музыку, эмигрантскую литературу. Он не мог дышать в этой новой чужой атмосфере!

Олегу доставалось:

– Связался с дурной компанией, что у тебя общего с этими отбросами общества, подонками, вульгарными девицами – сигареты в накрашенных губах?

– Папа, каждому из нас родители говорят, что он связался с дурной компанией. Выходит, и я дурная компания! Мы все одинаковые, я не лучше и не хуже других. Девчонки красятся, ну и пусть. Это вам всё запрещали, а сейчас у нас что – свобода! И не смотри на Людку и Милку, я их к тебе не приведу. Обошли они меня своим вниманием, другие у них бой-френды.

– Бой-френды! Родной язык тебе негоден?

– Я пойду погуляю, пап...

Их сеть разрабатывали долго, казалось, накрыли сразу всех, от первых лиц до курьеров.

Следователь Олегу достался слишком уж молодой, наверное, сразу после института. Поэтому старательный, и весь, при исполнении. Вот станет старым, думал Олег, всё ему надоест, будет работать, спустя рукава. А я в это время уже буду богат. Высоко, не достанешь.

Он был голубоглаз, лицо открытое, чистое. Смотрел на Олега, как на какой-то особый вид человечества. И, вроде, сочувствовал ему. Представился Денисом Ивановичем.

Но когда кто-то заглядывал в кабинет, где они сидели по обе стороны стола, извиняясь, говорили, особенно девушки:

– Денис, можно тебя на минутку?

Или:

– Денис, ты без перерыва сегодня?

Или:

– Денис, тебя к начальству! Кончай, хватит на сегодня!

Денис нажимал кнопку, говорил дежурному:

– Увести!

И Олег оказывался в камере.

Его раздражало это сочувствие. Ну, попал в капкан, такова жизнь. Сочувствуй – не сочувствуй, а срок назначишь реальный.

Он был злым, как подрастающий волчонок. Детство кончилось, когда за ним захлопнулась железная дверь. Теперь ты сам за себя, на всю жизнь. И в камере после очередного допроса он продолжал единоборство с этим Денисом:

«Ты меня воспитывать надумал? Что ты знаешь о жизни, чистенький такой! Тебя когда-нибудь били на улице? И жалеть меня не надо, не пропаду.

Буду таким богатым, тебе и не снилось. Костьми лягу, а буду. Единственное, на чём это можно сделать быстро – наркотики. Значит, это и будет моей жизнью, сажай – не сажай. И что ты смотришь на меня, будто я какой-то урод или вредное насекомое? Я не бандит. Никого не убил и не ограбил. Это была моя работа. Не хуже всякой другой, только опасней».

И назавтра, когда Денис начал свою песню:

– Ты же знал, что это смерть, разносил убийство! Видел настоящих наркоманов, которых уже спасти невозможно?

– Я вообще не видел наркоманов, мне это зачем! И я не бандит, никого не убил и не ограбил. А вы смотрите на меня, как не знаю, на кого. Но и змея ядовитая – смерть, и гриб в лесу. Так что, уничтожать змей? И грибы под чистую? Человек выбирает сам, как ему жить. Если хочет умереть, имеет право. Если ему захотелось попробовать наркотик, он его найдёт, у меня или у другого.

– Где ты нахватался этой чуши?

– А докажите, что это чушь! Что вы хотите услышать от меня – дядечка, я больше не буду? И тогда напишете в протокол, признал свою вину, раскаялся. Меньше мне не дадут, по этой статье именно такой срок. Так что кончайте с допросами. Я выполнял свою работу. И вы свою выполнили. Преступником себя не считаю. Никого не убил, не покалечил, не ограбил. Это просто бизнес.

– Однако, за этот бизнес ты пойдёшь в колонию. Надолго.

Нажал кнопку:

– Уведите!

Это был и вправду последний допрос.

## Глава 2

### Питер, 1993 г.

Шесть лет тянулись невероятно долго. Сначала от инфаркта умер отец. Он сильно сдал, когда рухнули его идеалы. А сын в тюрьме за наркоторговлю – этого он не смог пережить.

Мама приезжала к нему только вначале. Выражение лица у неё было обречённое, она смирилась с тем, что сын в тюрьме. Её Олег, умный, воспитанный мальчик, свет в окошке! Такова жизнь. Такое время. Её тоже не стало раньше, чем он вышел из тюрьмы.

По ночам он лежал на жёсткой постели и придумывал свою жизнь. Собственно, придумал её раньше, срисовал с дяди Сома. Самое главное, что не подлежало обсуждению, он будет очень богат. Как граф Монтекристо. Деньги должны быть не просто большие – огромные.

Он сможет позволить себе всё. Это всё, однако, включало очень ограниченный круг. Ни яхт, ни особняков, ни самолётов.

Квартиры только съёмные, в высотках, где соседи по лестничной клетке не знают друг друга. Их надо будет часто менять.

Будет путешествовать. Самые красивые женщины. Их тоже менять часто, не привязываться. И чтобы к тебе не привязывались ни в коем случае! Не звонили, не караулили у дверей. А денег будет много, на любые прихоти.

Про женщин думал часто. Отвлечённо, женщина и всё. На пляже, в дорогой машине. Про женщину в постели думать себе запрещал, кровь ударяла в голову. Это просто нужно отложить. Будут у него женщины, наверстают.

О Люсе тоже думал, но иначе. Как она там, в огромном чужом городе, где всякий может обидеть и некому защитит. И сердце сжималось тоскливо. Его придуманная жизнь была не для неё. Что ты сделал для любимой девушки? Я её оставил...

Институт Люся разыскала в первые же дни в Питере. Но не заходила, смотрела издали на парней и девушек, входящих в ворота и выходящих. Неужели и она когда-нибудь переступит этот порог?

В середине учебного года зашла, всё же. Стояла посреди двора и смотрела на прекрасное здание. Двери непрерывно открывались, входили и выходили люди, молодые и не очень. И старые, по её представлениям.

Молодых было больше, наверное, студенты. Вдруг случится чудо, и она так же уверенно будет открывать заветную дверь? Это было почти недостижимым счастьем.

Она стояла долго, и охранник вышел из будочки у ворот:

– Ты ждёшь кого?

– Нет, я только посмотреть. Хочу поступать в ваш институт.

– Ты же маленькая ещё. В каком классе?

– В девятом. Но директор нашей школы, в городе, где мы раньше жили, сказал, что хорошо бы поработать в больнице, чтобы наверняка. Я поработаю, только бы взяли! Мне очень нужно к вам поступить.

Охранник смотрел на девочку. Ребёнок, а такая целеустремлённость!

– В больнице тяжело. Успеешь ещё наработаться, когда окончишь институт. Пойдём в отдел кадров, поговорим.

Её взяли лаборанткой! Возвращалась домой поздно, шла мимо лавочки с подростками, которые жили своей, незнакомой ей жизнью.

И этот красивый мальчик, что смотрит на неё так пристально и не решается заговорить...

Его арест был для неё страшным ударом. Она, конечно, слышала про наркотики, они хлынули к нам вместе со сникерсами, Макдонольсом. Было и раньше, наверное, но не так широко и доступно.

Наркокурьер – звучало, как разведчик, лётчик, а может, космонавт. Никакой отрицательной составляющей, напротив, он поднялся в её глазах на недостижимую высоту.

Почему, ну почему он так и не заговорил с ней до ареста! Ничего, она поедет к нему в колонию. Будет ездить часто, как только позволят. И он поймёт, что никто не будет так его любить!

Подстерегла его маму, тётю Надю, когда та возвращалась из магазина.

– Здравствуйте! Вы не знаете меня, я Люся. Вы ездили к Олегу, как он там?

– Держится, не жалуется. Учится, там школа есть. Считает дни, когда выйдет. А дней – тысячи.

– Я могу к нему поехать? Поддержала бы его.

– Нет, пускают только родственников. Разве что, представишься невестой. Но не тянешь на невесту, малявка ещё.

– Я могу надеть туфли на каблуках.

– Нужно, чтобы он заявил, что ты его невеста. Я поговорю с ним в следующий раз. Если согласится, поедем вместе.

До следующей её поездки было долгих три месяца. Люся училась, работала, и всё время представляла, как он обрадуется, когда узнает, что она не отвернулась от него, будет верно ждать возвращения!

Ей нисколько не стыдно, что он в колонии. Он же не бандит какой-нибудь, наркокурьер – звучало даже романтично.

В следующий приезд мама сказала:

– К тебе хочет приехать дочка дворничихи. Люсей зовут, знаешь её?

– Знаю, – ответил коротко, а сердце готово было выскочить из груди.

– Но ты для этого должен хотя бы написать, что она твоя невеста, иначе не разрешат.

– Какая невеста, десятый класс! И потом, я не собираюсь жениться в ближайшие десять-пятнадцать лет. И если соберусь – то уж не на Люсе.

– Почему? Хорошая девочка, беспокоится. Никто ведь не спрашивает про тебя, только она. Это важно, в наше время особенно. Сейчас каждый думает только о себе.

– Так и есть, люди не живут, а выживают. А для выживания и надо – только о себе. И я думаю, что будет дальше, как выжить здесь и на воле! А ты – невеста. Не хочу, чтобы она приезжала. Зачем дразнить, мне ещё почти пять лет здесь загорать.

Как было бы здорово, если бы она приехала! Они бы говорили, говорили...

Но он не имеет права. У Люси должна быть счастливая семья, а это не для него. Никаких привязанностей.

Отнять у него будет нечего. И дома не будет, всегда можно снять квартиру, были бы деньги. А деньги будут в разной валюте и в разных странах, в разных банках. Как говорится, не держи все яйца в одной корзине. И нужен какой-нибудь небольшой бизнес для прикрытия.

Он уходил в эту свою воображаемую жизнь в самые тяжёлые минуты, и это помогало переносить реальность.

Люся продолжала ждать Надежду с редких свиданий:

– Как он там?

– Стал совсем взрослым и самостоятельным.

– Тётя Надя, передайте ему мой адрес. Если захочет, я ему буду писать.

Со временем Надя стала относиться к Люсе, как самому близкому человеку. Мало ли что говорит Олег, тюрьма есть тюрьма. А вот выйдет, может и сладится у них.

В последний раз приехала к нему, вся в слезах – папа умер. Внезапно, утром встал, умылся, побрился и схватился за сердце. Умер в «скорой», по дороге в больницу.

У Олега что-то оборвалось в душе. Знал ведь, что много лет отцу. Но каждый ребёнок считает, что его родители бессмертны.

- Если бы не Максим Петрович, я бы не справилась.
- Какой Максим Петрович? – спросил Олег удивлённо.
- Да сосед сверху, Сомов, ты же его знаешь.
- А разве его не посадили?
- Посадили? За что, он же прекрасный человек!

Сомова не посадили. Его теория прекрасно оправдывалась на практике. Он и вправду был невидимкой, никогда не прикасался ни к деньгам, ни к наркотикам. Те немногие люди, которые имели доступ к нему, не выдали бы его даже под пытками, которых, конечно, не практиковали в цивилизованном Питере.

Сеть была, как айсберг, и взяли только надводную часть. Бухгалтер, бесконечно преданная ему, продолжала жить в пригороде. Естественно, счета и его, и ближайшего окружения, остались неприкосновенными в надёжных банках в валюте за границей.

Не пострадали и связи на таможне, в полиции, поставщики – всё осталось, как было, и все нити в его руках.

Склад накрыли. Убыток был серьёзный, но не смертельный. Сом не брал большие партии в погоне за скидками, товара было на пару недель. И напрасно следователи допытывались:

- Как получали деньги за работу?
- У старшего.
- Где брал старший?
- Приносил курьер.
- Опознать можете?
- Нет, каждый раз был другой. Отдавал конверт и уходил.

Сом держал паузу. Внезапный отъезд мог вызвать подозрение, хотя уезжать, как он понимал, придётся. Куда – в Москву, конечно. Чем больше город, тем легче затеряться в толпе человеку-невидимке.

И была ещё причина, по которой он тянул с отъездом. Ему нравилась мама Олега. Он давно обратил на неё внимание. Собственно, Олега он и в свою сеть взял, и вообще привечал из-за неё, подсознательно, не задумываясь. Мальчик походил на неё не только внешне. Этот неуловимый внутренний аристократизм...

Надя была красива той неброской красотой, в которую нужно взглядеться. Приветливая, естественная, она не кокетничала, не строила глазки при старом муже. И была в ней забытая в это сумасшедшее время женственность.

А Сом был эстетом, вульгарности не терпел. Он любовался издали. И мужем её любовался – выправка, несмотря на годы, как у старых офицеров, благородные черты лица, и седина шла ему.

Олег сидел третий год, когда это случилось.

Сом видел в окно, как подъехала «скорая». А потом – шум на лестнице, носилки не входили в пассажирский лифт. Бросился помогать. Надя села в машину, он остался у подъезда.

Вернулась неожиданно быстро, шла, согнувшись под тяжестью горя. Он ждал у её дверей.

- Что, Надя?

– Умер, он умер, Максим Петрович.

Она не плакала, но такое бесконечное, беспомощное отчаянье было в глазах, на лице, во всей её худенькой фигуре!

– Надя, это надо пережить. Ему же было много лет, правда? И он прожил свою жизнь счастливо, с такой-то женой! Не беспокойтесь, я всё возьму на себя. В какую больницу его повезли?

Открытый гроб выставили во дворе, чтобы соседи могли попрощаться. Но почти никто не подошёл, два-три человека, что шли мимо.

Не любили Сергея Николаевича. Он стал просто старым брюзгой, обзолённым на весь этот чужой для него мир.

Не здоровался, проходил мимо бабушек на лавочке днём, и ребят – вечером, гордо поднимая свою белоснежную голову. С Верой не здоровался, единственный во дворе.

Она не держала зла, умер человек, что ж теперь. Когда Люся бросилась к гробу этого чужого человека, пошла следом.

Так и стояли втроём, пока не приехала ритуальная машина – Надя, Вера и Люся.

Всем распоряжался Сомов. И на кладбище командовал, и повёз их троих в кафе. Там они помянули Надину первую и последнюю любовь, самого дорогого, бесконечно уважаемого человека.

Бабушки на лавочке шептались – что так убивается, молодая, красивая, по неприятному старику.

Надя так и не смогла пережить свою потерю. Опустилась, перестала следить за собой. Денег в доме не стало совершенно, жили ведь на пенсию мужа. Сомов приходил каждый день.

– Надя, ты в зеркало смотришь хоть иногда? На кого ты похожа! Почему у тебя пусто в холодильнике, я же оставлял тебе деньги?

– Я их потратила.

– На что?!

– Не помню.

Как-то увидел бутылку из-под портвейна в мусорном ведре. Перестал оставлять деньги, приносил продукты. Но холодильник был забит, а Надя – сильно под градусом.

Сомов недоумевал, где она берёт деньги на выпивку? Потом увидел пустеющие книжные полки.

К сыну поехала ещё только один раз – сообщила, что больше у него нет отца.

Когда подошёл следующий срок, Сомов спросил:

– Ты собираешься к Олегу, может, проводить тебя?

– Я не поеду.

– Как это, не поедешь? Он ведь ждёт!

– Не хочу, чтобы видел меня – такую...

Иногда он стучал к ней, звонил, но она не отвечала. Однажды спросила:

– Что ты ходишь, Максим, травмишь душу себе и мне?

– Не спрашивай, Надя, поздно. Раньше надо было.

– Я могу попросить тебя об одной вещи? Это очень важно для меня. Единственное, что важно.

– Ты знаешь, что можешь попросить у меня, что угодно.

– Умру скоро, я чувствую. Выйдет Олег, не оставь его один на один с этим сумасшедшим миром. Присмотри за ним, чтобы не сломался, вышел в люди. Мы с отцом очень хотели, чтобы он окончил институт, женился. Люся любит его.

– Женить не обещаю, а человеком сделаю. И тебе умереть не дам, завтра же отвезу в клинику.

Назавтра не достучался. Хорошо, что успел заказать дубликат ключа.

Надя сидела за столом, положив голову на руки. На столе – только бутылка из-под портвейна, никакой закуски. Он подумал, спит, зло потряс за плечо. И ещё, и ещё раз. Она спала, но сон этот был вечным...

Позвал Веру – помыть, причесать, привести в божеский вид. Гроб во дворе выставлять не стал. Они втроём, с Верой и Люсей, похоронили её рядом с мужем, помянули и заперли квартиру. Ключи Вера спрятала до возвращения Олега. Больше в Питере Сомова не держало ничего.

И будто выстроенный Олегом план жизни начинал воплощаться. Он и вправду остался один на белом свете.

Люся ничего не знала об Олеге, он так и не написал ей ни разу. До конца школы ждала его из тюрьмы. Весь десятый класс проплакала над своей несчастной любовью, а на первом курсе жизнь взяла своё.

Однажды пожилая женщина в лаборатории, где она продолжала работать, подошла к ней. Ей нравилась эта скромная старательная девочка.

– Люсенька, нам выделили бесплатную путёвку на выходные по Золотому кольцу. Поезжай, ты же ничего не видишь в жизни, кроме учёбы и этих пробирок.

И Люся поехала!

Это было счастье. Вырваться из каждодневного беличьего колеса – институт, после занятий лаборатория, вечером учебники. И эта скорость, и такая красота вокруг!

Экскурсовод был молоденький, но столько всего знал – стили архитектуры, историю и каждого города, и каждой церкви, и монастыря. Она поражалась его эрудиции.

А поскольку сидела во втором ряду, не могла остаться незамеченной. Но этим же автобусом экскурсовод уезжал в Москву, а она оставалась в Питере.

Он был студентом архитектурного института. Сначала они писали друг другу письма. Потом он предложил показать ей Москву. И она поехала «Красной стрелой» туда и обратно, и один потрясающий день в столице.

Питер тоже он ей показывал, а не она ему. Это было позже.

Он был заиклен на своей профессии, как и она на своей.

– Я с детства мечтал построить город. Не скопление высоток, которые торчат, как зубы у акулы. А гармония, сочетания уровней, нестандартные решения и жилых домов, и административных зданий. И магазины, кинотеатры, школы, детские садики. И скверы, парки, широкие проспекты, удобные транспортные развязки. Ощущение простора, воздуха! Я диплом напишу, город будущего! Но я понимаю, город построить мне никто не даст, хотя бы район. Там захочет жить каждый нормальный человек.

– И я хотела бы жить в таком районе. У нас, как в колодце.

– Вот-вот. Ты будешь жить в этом районе. Я его обязательно спроектирую и построю. Прослежу, чтобы строители не натыкали ничего лишнего. И мы с тобой будем там жить. Ты же выйдешь за меня?

# Часть 1

## Хроники Престижного района

### Глава 1

#### Москва-Остров, 1994 г.

Олегу оставалось четыре года тюрьмы, когда Сом уехал в Москву. Понадеялся на старого друга, с которым вырос в одном дворе и учился в одном классе.

Развели институты, у Сома был строительный, у Бака, тоже школьное прозвище, от фамилии Бакарев, авиационный. Время, конец восьмидесятых, начало девяностых, всех уравнило, инженеры стали заниматься чем угодно, кроме своей профессии.

Сом ушёл в наркомафию, Бак – ещё круче, крышевал проституцию, которая внезапно расцвела после краха Союза.

Раньше красивые девочки мечтали стать актрисами. Теперь – проститутками, содержанками, девочками по вызову. Почему-то считали, что успешней всего этим заниматься в столице.

И потянулись в Москву из нищей провинции, с Украины, Белоруссии, даже из Польши. У Бака дела шли отлично!

К нему и ехал Сом.

Человек за жизнь сталкивается с десятками людей. Одни становятся знакомыми, хорошими знакомыми, приятелями. Но редко кого-то из них считают друзьями.

Самые-самые друзья – из детства, из ранних мальчишеских клятв на всю жизнь. Бывают предательства, конечно, но исключения только подтверждают правила. И Бак оставался единственным из друзей, с кем общался Сом, когда стал человеком-невидимкой.

Он, широкая душа, радовался, что Сом будет рядом. Да ещё завязанный холостяк, как он сам. И не бедный.

За эти годы они несколько раз пересекались и в Москве, и в Питере, пару раз у них совпадали отпуска. Последнее время это зависело от них самих, от их собственных дел и возможностей.

Бак встретил Сома с «Красной стрелы» и повёз к себе. Целый вечер вспоминали старое, разговор о делах отложили на утро.

Спросил, пока жарил яичницу:

– Чем думаешь заняться? Твой бизнес рухнул, я слышал.

– Рухнул, да не совсем. В Питере мне делать нечего, а в Москве хочу начать заново. Разузнай, мне нужна какая-нибудь слабенькая сеть. Есть, что предложить её руководству, если согласятся на вторые роли. Поможешь?

– Не вопрос, только не сразу. Если тебе нужны деньги...

– Деньги у меня есть.

– Здорово, тогда вообще нет проблем. Но давай отдохнём сначала. Живи у меня, сколько хочешь. И девочки любые, любые! Я тебя отвезу в одно эскорт-агентство, офис у них в Москве, скромненький, а за городом небольшой элитный пансионат. И номера, что надо, и девочки – ни за что не подумаешь, заплати, и она твоя.

– Пансионат, говоришь. И номер снять можно, и вопросов задавать не станут?

– Если я тебя привезу, облизывать будут и ковровую дорожку под ноги. Процент мне идёт, небольшой, правда, но раз в месяц я еду туда на выходные. Кухня прекрасная, заранее выбираю девочку, и альбом имеется, и порт-фолио. Приезжаю, она ждёт на романтический ужин. Вышколаены – ну, гейши! Мадам у них Луиза Александровна, эстонка, тоже гейша из гейш. Каждому мужику кажется, что она на него запала. У неё там клуб холостяков, богатых, разумеется. Вход по рекомендации. Поедем?

– Ты знаешь, пока я осмотрюсь, квартиру сниму, пансионат – самое то.

– И ещё предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Прежде, чем займёшься делами, поедem, отдохнём на пару недель. У меня присмотрен отель на Острове. Один раз побываешь, больше никуда тебя не потянет, гарантирую.

Территория огромная. Такое впечатление, что ты один в лесу. Бунгало, с виду шалаш, а внутри пятизвёздочный номер. Расстояние метров сто один от другого, а есть и больше.

Раз в год, два раза в год – не обеднеешь. Дорожки, пальмы, цветы невиданные. Есть и ресторанчик, и бильярд, и доктор, и массаж. Пляж в дорогих бунгало отдельный. И еду тебе привезут на скутере, закажи накануне, а можно в столовую, позвонишь, отвезут на скутере с кабинкой, и на массаж отвезут. А не позвонишь, никто к тебе не сунется! Всё привезут, что закажешь, и отдыхай, как тебе нравится. Городок – час езды, там ресторан прекрасный, магазины европейские.

Но, честно говоря, я две недели валялся на своём личном пляжике, ну, иногда бильярд, хозяин любит это дело, несколько столов у него. Уж если выбрался туда, оторвался, на полгода точно хватит. И девочек Луизиных прихватим, сможем меняться дамами.

И расхотались оба от такой прекрасной перспективы.

– А что! Но сначала посмотрим пансионат. И мадам, и альбом, и порт-фолио. И можно романтический ужин, чтобы знать, кого везёшь, не чемодан без ручки.

– Замётано. Завтра позвоню и поедem.

Луиза была стройной блондинкой. Ей можно было дать и двадцать пять, и тридцать пять.

Но о возрасте не думалось, глядя на неё. Приветливость, интерес к собеседнику, мягкость и женственность.

Сому было не важно, что из этого было отточенным профессионализмом. Он был сражён и молчал, пока Бак представлял его. Выбрал в альбоме самую скромную девушку. Луиза, конечно, всё поняла – ещё один мужик, поддавшийся её чарам.

Бак долго выбирал девочку, смотрел альбом, порт-фолио. Потом сказал:

– Макс только из Питера, жильём обзавестись не успел. Да пока и не имеет смысла, мы же едем на море через несколько дней. Приюти его, Луизочка.

– Конечно, с радостью. Что вам предложить? У нас прекрасные номера-люкс.

– Нет, обычный номер, это же ненадолго. И питаться я буду у вас, если позволите, Луиза Александровна.

– Да, разумеется! Если пожелаете какое-нибудь особенное блюдо, только скажите. У нас прекрасные повара. Любая кухня – русская, кавказская, итальянская, Мексика, Япония...

– Больше всего я люблю борщ и жареную картошку. И яичницу с кофе по утрам. Но если вы согласитесь поужинать со мной, приму любую кухню, хоть африканскую.

– К сожалению, вынуждена вам отказать. Во-первых, мы почти незнакомы.

Она говорила с очаровательной улыбкой и едва заметным акцентом, который только укрощал её речь.

– Так это удобный способ познакомиться поближе!

– Во-вторых, если я стану отдавать предпочтение одному из клиентов, потеряю остальных.

Он рассмеялся и поцеловал ей руку. Сначала пальцы, потом выше, ещё выше. Потом посмотрел в глаза и поцеловал ладонь.

Луиза молчала. Какие у него горячие глаза. Мне будет нелегко долго сдерживать его.

Они попрощались с Баком до вечера, ужин был заказан на четверых.

Девочка постучала к нему в пять часов.

– Максим Петрович, я Лина. Как вы хотите, чтобы я к вам обращалась?

– Зови меня Сом и «ты».

– Какая форма одежды вечером?

– Надеюсь, мы потанцуем? Давно не танцевал.

– Разумеется, как вам будет угодно.

– На «ты», я сказал. Вечернее платье у тебя есть?

– Разумеется. Вы... ты любишь яркие тона?

– К твоим волосам пойдёт синее. У тебя их несколько?

– В агентстве выбор на все случаи жизни.

– Прекрасно. Жду тебя в ресторане в восемь вечера.

Взял за подбородок. Взлетели ресницы. Глаза были грустные и беспомощные.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Давно в Москве?

– Год.

– Откуда приехала?

– С Дона.

– Я не спрашиваю, что тебя сюда занесло. Ты милая. До вечера.

Ужин удался. Бак был весел и остроумен, его девочка... ну, это была его девочка! У Сома же скромна, прекрасно танцевала.

И в постели была хороша – как в танце, он вёл, она подчинялась. В жестах, манере говорить чувствовалась Луизина школа.

Но зачем копия, даже хорошая, думал он. Луизу в этот раз я не могу взять с собой, будет Бак. Повезу в следующий.

Почему-то не сомневался, что повезёт, и она будет его женщиной. Долго. Всегда. Пока смерть не разлучит. Жениться, тем не менее, не думал, от своих правил отступать не собирался.

– Ты прелесть, девочка. Я возьму тебя на море.

Не спросил, рада ли она. Взлетели ресницы, влажные благодарные глаза. Хороша, очень хороша. Но не Луиза.

Летели вчетвером, бизнес классом. С Баком была уже другая девочка, полная, с большой грудью, яркой помадой и сильно накрашенными глазами. Её звали Лори. У неё, как и у Бака, была жажда общения.

Хорошо, что между креслами большое расстояние. Вот уж чего не захочу, так это меняться дамами! – думал Сом.

Остров казался необитаемым, во всяком случае, на территории отеля. Можно было не выходить из бунгало, и пляж был огорожен и защищён от посторонних глаз. Можно было гулять по дорожкам, и не встретить ни одной живой души.

Сом оттаял, все неприятности отступили, дышал покоем и тишиной.

Если бы не Бак. Звонил, и они встречались за ужином вчетвером. Общались, танцевали. Он приглашал на танец его девочку и поглядывал на Лори. А та в танце всё норовила коснуться Сома своей роскошной грудью.

Бак больше не предлагал меняться дамами, а Сом – тем более. Его совершенно не прельщала перспектива оказаться в постели с Лори. И свою девочку он щадил. Хотя прекрасно понимал, сколько у неё было мужчин за этот год, и сколько их ждёт впереди.

Он был благодарен ей за такт, деликатность, ненавязчивость. У него никогда не было проституток, представлял их себе совершенно другими, такими, как Лори.

Оставался с ней вдвоём по вечерам. Включал телевизор, сажал рядом, обнимал за плечи. Английского она не знала, и он переводил ей диалоги фильмов или новости.

Потом она говорила:

– Я приготовлю ванну, подождёшь?

Купала его, вытирала, спрашивала:

– Мне пойти к себе?

– Нет, моя девочка.

Вначале увлёкся бильярдом. Бак представил его хозяину отеля, молодому, из местных. За бильярдным столом Сом был сильнее их обоих. Первую же партию у Бака выиграл легко.

– Бак, мы не договаривались об условиях. Отдай мне Луизино эскорт-агентство, я буду крышевать. За тобой останется романтический ужин раз в месяц.

– Ну, разве, что так. Ты думаешь этим завоевать Луизу? Я же видел, как ты на неё смотрел.

– Закроем эту тему раз и навсегда, хорошо?

– Как скажешь, как скажешь, – засмеялся Бак.

У хозяина отеля, Чака, он тоже выиграл. Но с ним условия были оговорены заранее. Со стороны Сома – тысяча долларов.

– А ты что можешь предложить, Чак?

– Ну, не знаю...

– Давай бунгало, где я живу. У тебя их сколько?

– Не считал.

– Ну, вот. Для тебя выгодная сделка.

– Что ты будешь делать с этим бунгало? Увезёшь в Москву, краном на палубу?

– Нет, зачем. Буду приезжать два-три раза в год на пару недель. Ещё два-три раза – мой племянник. Остальное время ты будешь его сдавать, а нам за это «всё включено». Еда здесь ничего не стоит.

– Это так. Но ты же ещё не выиграл! Я буду сражаться.

– Как лев?

– Нет, как слон!

– Ты – как слон, я – как лев.

Сом повторял эту фразу всю партию. Выиграл лев, конечно. Но у Чака этих бунгало было немерено, а еда здесь действительно не стоила ничего, тем более, общества такого человека.

Так у Сома впервые в жизни появилась собственность. Он немедленно обзавёлся кофемашинкой. Холодильник в бунгало был, и микроволновка тоже.

Непрезентабельное с виду жилище внутри было роскошным. Одна спальня с широченной кроватью, вторая, скромная, с узенькой. Просторная гостиная с большим обеденным столом, небольшая кухонька, в которой свободно разместилась и новенькая кофемашинка.

Лина быстро освоила технику и приносила ему кофе в постель. На пляже спрашивала только – какой именно сок принести.

Каждое утро в бунгало привозили огромное блюдо фруктов, в корзине в прихожей оставляли кокосы и ананасы. Меню Сом заполнял накануне.

В последний вечер опять устроили ужин на четверых. Лина за столом была оживлена, старалась поддерживать общий разговор. А в танце не поднимала на него глаз – прекрасно понимала, продолжения не будет.

Но Луиза хорошо их вышколила, ни одного вопроса, ни одного намёка.

– Спасибо тебе, девочка. Мне было хорошо с тобой.

– И тебе спасибо, Сом. Большое спасибо...

## Глава 2

### Москва-Остров, 1994 г.

Сому устроили встречу с хозяином небольшой сети. Звали его Арсен, он был моложе Сомы и очень амбициозен.

– Но главным буду я?

– Нет, конечно. А заработок будет втрое больше нынешнего. И товар в десять раз лучше. Но другие объёмы, придётся расширяться.

– Был бы товар!

Лину он больше не видел, хотя жил в пансионате, а девочки, в отсутствие клиентов, были там за всё про всё – и горничные, и официантки, и уборщицы.

Сом завтракал в ресторане, обедал, ужинал, часто с нужными людьми. У Луизы прибавлялось клиентов.

Она женским чутьём угадала, что Лина понравилась ему. Вернулась не забитой девочкой, а женщиной, знающей себе цену.

Луиза ещё ничего не решила про Сому, но соперничества терпеть не собиралась. И Лина не убирала номера, не мыла коридоры, не прислуживала в ресторане. Её отправили на кухню, куда ему, разумеется, вход был воспрещён.

Она оставляла в городском офисе одну из помощниц, и целые дни проводила в своём кабинете в пансионате. В городе были случайные клиенты, постоянные ехали прямо в пансионат.

Раза два за день, если у него не было дел в городе, Сом появлялся у неё в кабинете:

– Доброе утро, Луиза Александровна! Не помешаю? Как дела, как мои знакомые? Очень вас рекомендовал.

– Спасибо, воспитанные и вежливые мужчины. Уважаю, когда люди ведут себя по-джентельменски.

Её рука с ручкой лежала на столе. Он вынимал ручку, брал руку в свои ладони, держал несколько секунд, потом целовал сначала ладонь, потом пальцы, запястье, выше, до самого тончайшего рукава блузки.

Она улыбалась.

– Ну, не буду вам мешать, хорошего дня!

Так прошёл месяц. Её это задевало, хоть бы пригласил на ужин! Но он не разменивался на такие мелочи.

Позвонил Чаку – они договорились, что будет предупреждать о своём приезде.

– Свободно моё бунгало?

– Занято, Сом. Но я могу их переселить.

– Когда уезжают?

– Через четыре дня.

– Не надо, пусть уедут спокойно. Я, может, ещё не приеду. Позвоню, когда буду знать точно.

И пошёл к Луизе.

– Луиза Александровна, мне очень понравилось на Острове. Вы не представляете, какое изумительное море. Отдельный пляж, белоснежный песок, парк огромный. Бунгало, с виду хижина дяди Тома, а внутри... видели бы вы, что там внутри!

Сейчас он скажет – поехали со мной! И она поедет, конечно, поедет. Произнеси, наконец!

Но он вдруг, неожиданно для неё, попросил:

– Дайте мне, пожалуйста, альбом, я подберу себе спутницу. Без женщины там делать нечего, разве что, бильярд. Кстати, я выиграл у хозяина бунгало, в котором жил. Теперь мне там всё включено и всё бесплатно, я гость. Со своей дамой, разумеется. Так. Это всё я видел, ничего новенького.

– Вы очень привередливы, Максим Петрович.

– Зовите меня Сом, мы ведь уже друзья?

Этот вопрос она оставила без ответа.

– Вы очень привередливы, Сом. Хоть предлагай свою кандидатуру! – И засмеялась, шутка.

– Почту за честь. И за счастье.

– Двойной тариф! – Опять вроде пошутила она.

– Хоть тройной! Визы не надо, покажите загранпаспорт, не просрочен?

– Не просрочен.

Нехотя достала паспорт из сейфа, не хотелось афишировать свой возраст. Посмотрел внимательно:

– В жизни вы лучше. Гораздо лучше! И наш, пожалуйста. Вылетаем через пять дней. Там жарко, но в это время терпимо. Успеете собраться? Если чего-то не хватит в гардеробе, купим на месте. Обязательно – купальник, на первое время. И вечернее платье, такое, как было у Лины, мне ткань понравилась. Облегает, будто нет его.

Она вскинула брови, но он уже встал:

– Билеты бизнес-класса. Всё будет по высшему классу, не пожалеете. Я скажу, когда заеду за вами.

Руку не поцеловал. Через пять дней поцелует её всю. Через шесть, ещё перелёт! Ну, ничего, потерпим.

Она сидела, оглушённая. Позвала помощницу:

– Марина, я еду в отпуск. Не знаю, на сколько. Чтобы порядок был! Новеньких не бери без меня, возьмишь, Бог знает что. С заказчиками будь вежлива, но не фамильярничай. Да что это я, ещё пять дней до отъезда.

Ключи от бунгало ему дал дежурный на въезде.

– Вещи привезёшь, оставишь в прихожей. И коробки мои захвати, – говорил он, подсаживая Луизу в кабинку скутера.

– Хорошо, дядя Сом, всё сделаю.

Открыл дверь. Взял её на руки. Она думала, перенесёт через порог, а понёс прямо в спальню.

Она была великолепа. Именно такая женщина ему нужна. Он ей приносил кофе в постель. Он спрашивал её на пляже:

– Какой тебе сок принести, Лу?

Возил её в город в самый лучший и дорогой ресторан.

Ему нравилось танцевать с ней. Платье было тонким, струящимся, никакого белья под гладкой тканью. И танец был прелюдией ночи, её дразнящим обещанием.

– Лу, тебя сделали по моим лекалам.

– А тебя – по моим.

Ему было всё равно, правду она говорит, или отвечает любезностью на любезность. Главное, она его женщина, и он её не упустит.

Думает, в Москве станет для него снова Луизой Александровной, это просто её каприз? Нетушки!

– Понимаешь, Лу, теперь ты навсегда моя женщина. И если я увижу, что кто-то целует твою руку выше запястья, ему не ходить по земле.

– А если ты мне надоешь?

– Теоретически, надоесть можешь только ты. Но будем надеяться, Лу, ты сделаешь всё, чтобы этого не случилось.

– Ну, а если я не успею отнять руку, что ты сделаешь со мной?

– С тобой я буду делать то же, что и сейчас, каждую ночь, утром и вечером, и днём, если будет время. У тебя есть номера с внутренней дверью?

Когда я построю тебе новый корпус, там будут два смежных номера. В одном, как здесь, узкая кровать, которая никогда не будет разбираться, а во втором – широкая, в полкомнаты, чтобы можно было и вдоль и поперёк.

– Ты хулиган!

– Хуже, я бандит. Помни это на всякий случай.

– Ты, правда, построишь мне новый корпус?

– Правда. Территорию приведу в порядок. Дорожки, скамейки, газоны, цветы, фонтан... Покупать мебель, бельё, сможешь оптом и дёшево. Я буду помогать во всём, ты же моя женщина! Новеньких сначала мне показывай.

– Станешь проверять их в постели?

– Что ты, после тебя я бы любую женщину забраковал.

– Ах ты, подлиза!

– И знаешь, я присмотрелся за месяц, – очень у тебя всё чопорно. Должна быть игра. Вот у тебя в альбоме девочки под номерами. И порт-фолио под этим номером. Надень на них, живых, педжикки с номерами, трёх цветов, как у тебя по полкам.

Плакаты по коридорам – «Всё включено!». И каждый может не в альбоме, живую посмотреть, как двигается, разговаривает, смеётся.

Раз – и заказал, хоть на рецепшене, хоть в меню за завтраком, обедом или ужином. Разумеется, в закрытом корпусе.

У тебя в танцзале одни благородные девицы. Это хорошо, но неправильно. В том корпусе, что я построю, он и будет закрытым, в подвальном помещении на одной половине бассейн, а вторая – танцзал, со звукоизоляцией.

И опять лозунги везде, скажем – «Вторую и четвёртую субботы оргия. Всё включено!». Музыка соответствующая, девчонки не раздетые, разумеется, блузоны немислимые, а ножки на виду. Пусть твои мальчики берут номер на ночь, а любые девочки, хоть три в ночь, хоть пять. Опять же, номера на табло, и за дверь. Как тебе?

– Фантазия! Но в этом что-то есть. Сначаластрой корпус.

– А девочек доставит Бак, сначала к тебе каждую партию. Я только отбракую по глазам.

– Как это?

– Увидишь. Проектировать корпус и строить будут турки, делают быстро и хорошо. Всё по высшему классу.

– А моего согласия даже для виду не спрашиваешь?

– Твоё согласие, вот оно! Обнял её так, что она задохнулась.

Через два года, осенью, корпус уже стоял, шла внутренняя отделка. Сом партию за партией привозил мебель в разобранном виде, и столяры тут же собирали её в отделанных номерах.

И постельное бельё, и гардины, и шторы – всё шло из-за границ, в основном из Турции и Египта, с молчаливого согласия таможи. Кровати были широченные, как в заграничных отелях. Луиза опомниться не могла.

Она была его женщиной. Когда бы ни заехал за ней – в обед, среди рабочего дня, за час до конца работы, она звала помощницу и молча шла за ним к машине. Не спрашивала, куда он её везёт, в ресторан или к себе домой. Если не виделись два-три дня, звонил:

– Ты в городе? Я заеду.

Или, если она была в пансионате:

– Я приеду, только не знаю, когда.

– Не важно, приезжай, когда сможешь. Я тебя жду.

Девочек нужно было много и сразу – отмыть, обустроить новый корпус и обслуживать его.

Бак вводил их в комнату рядом с бассейном. Пол под плиткой, длинная низенькая лавка, стол со стулом у окна. Кушетка.

Девочки выстраивались у стены. Их привозили из провинции, из-за новых границ, а чаще, знакомые милиционеры Бака устраивали облавы на Казанском вокзале.

Сом проходил медленно мимо этой нестройной шеренги. Смотрел внимательно. Они были такие разные, разбитные и скромные, самоуверенные и наглые, дерзкие.

И все растеряны, им никто не объяснил, куда их привезли и зачем. Беленькие, чёрненькие, крашенные блондинки – почему-то думают, что именно такой цвет волос нравится мужчинам. Потом он каждую брал за подбородок и смотрел в глаза.

Отбраковывал вульгарных, сразу за дверь, где ещё шла стройка. Спрашивал:

– Малолетки есть? Выйдите вперёд. Садитесь на скамейку.

Отбирал настоящих блондинок, девочек с какой-то, только ему заметной изюминкой. Из десяти-двенадцати оставалось шесть-семь.

Луиза малолеток называла детским садом. Не спорила, значит, у Сома на них свои виды. Пусть подрастут.

Сом говорил оставшимся:

– Я уйду, а вы разденетесь, вас осмотрят женщины. Не советую встречаться со мной в этой комнате. Сам никого не наказываю, только говорю, как и сколько. Чтобы никаких ссор, пререканий, лишних вопросов. Полное послушание! Понятно? Всем всё понятно. Отлично, хорошего дня!

Луиза смотрела, как сложены. Главное, высокие и тонкие лодыжки. Но грубых, ширококостных отбраковывал Сом. Девочек отправляли мыться, переодевали, кормили и везли в сельскую больничку. Там проверяли и возвращали в пансионат. Кого надо, оставляли и подлечивали.

И тогда им объясняли, куда они попали. Вводную речь Луиза начинала неизменно:

– Девочки, считайте, вам очень повезло...

Когда через четыре года Олег, задыхаясь, бежал к ближайшему автомату, и корпус уже был построен, оборудован, и девочки ходили по нему с номерами. И смежные апартаменты ждали только звонка Сома.

Интерьер пансионата, особенно нового корпуса, больше не был таким строгим и чопорным, как до Сома. И слоган, понятный только посвященным – «Всё включено!», красовался, где только можно, в ресторане, над рецепшеном, в кабинете Луизы.

И бал – розыгрыш, с настоящей машиной, выбрасывающей шарики с номерами, и оргии два раза в месяц собирали самых богатеньких мажоров.

И выпускные балы с неизменным аукционом, когда очередная партия девочек кончала так называемую школу, и дни совершеннолетия малолеток, тоже с аукционом. Девочки в вечерних платьях разных цветов, а одна, редко две, в белых.

Из каждого аукциона Сом делал настоящее шоу. Выпускницам и именинницам устраивали фото-сессии для фотографий в альбомы и порт-фолио. В комнате, находились фотограф и ассистент, который помогал девочке переодеваться, были установлены три скрытые камеры, которые снимали этот процесс.

Девочка, естественно, об этом понятия не имела. Снимала форменное платье, надевала красивое бельё, потом снималось бельё, надевался купальник, снимался купальник – брючки с маечкой, потом полупрозрачная накидка ниже попки, на голое тело, и ассистент нарочно долго не мог с ней справиться.

Шоу кончалось вечерним платьем, тонким, струящимся, тоже на голое тело. Ассистент застёгивал сзади змейку сверху до низу. Фотографу не нравился цвет. Змейка расстёгивалась, платье падало к ногам. Ассистент уходил за другим, а она стояла, оглядываясь, обняв себя за плечи.

Наконец, платье подходило, и снимался парадный портрет. И тогда фотограф произносил неизменную фразу:

– Девочка, ты супер. Я таких прелестных ещё не снимал.

И она улыбалась в камеру счастливой улыбкой. Ни одна не могла устоять перед этой грубой лестью, на портрете каждая была очаровательна.

Всё это монтировалось с разной скоростью, с крупными планами. В маленьком зале, где проходил аукцион и сидели до двадцати, а то и больше, мужчин, объявлялся лот, выставлялся парадный портрет в полный рост. Потом, при потушенном свете, на экране появлялась очередная короткометражка.

В зале стоял громовой хохот. Хорошо, что танцевальный зал находился в противоположном крыле.

Потом продолжались танцы. Обладатели счастливых билетов были подчёркнуто галантны со своими дамами. И с трудом сдерживали смех, вспоминая короткометражки, где они были главными героинями.

Серьёзные Луизины мальчики, как она их называла, с энтузиазмом принимали эти новшества.

Олега Сом привёл на аукцион, когда тот был ещё студентом, и это навсегда сбросило для него Женщину с пьедестала. Возможно, он того и добивался.

Это были особенные женщины, Луизины ученицы, но других до тридцати четырёх лет Олег не знал.

Столько ему было, когда он смотрел из окна своей новой съёмной квартиры на главный проспект Престижного района.

Но я забегаю вперёд. Ещё на шахматной доске жизни нет ни этого дома, ни самого Престижного района.

Мои герои ещё живут сами по себе и ничего не знают друг о друге.

## Глава 3

### Москва, 1998 г.

Олег пробыл в заключении от звонка до звонка. Вышел в мае, вернулся в Питер и пошёл к себе домой.

Во дворе, когда-то шумном, было пусто. Только одна женщина с детской коляской сидела на их лавочке. Не сразу, но узнал – это же тётя Вера, Люсина мама! Она обрадовалась:

– Олег! Ты ли это? А я смотрю, лицо знакомое.

– Здравствуйте, тётя Вера!

И оглянулся вокруг:

– Как пусто у нас!

Она отошла на несколько шагов, чтобы не разбудить малыша.

– Ты вернулся, слава Богу! А родителей нет уже, не дожили, не дождалась. Я не смогу поехать с тобой на кладбище, видишь, кто у меня! – и улыбнулась невольно, – но я тебе расскажу, как их найти.

– Мама говорила, на каком кладбище отца похоронили, только я забыл.

– На Северном, Северное кладбище, а номер не помню.

– Я съезжу обязательно. И номер там узнаю.

– А ваших нет никого. Виталика, он постарше был, в армию взяли. Так и остался служить на Камчатке, плавает. А девчонки – челночницы, как их теперь называют. Возят шмотки из Турции, даже из Китая. Остальных, как тебя, одного за другим. Никто не вернулся, а тебя отпустили, слава Богу.

– Какой – отпустили! От звонка до звонка.

– Куда ты теперь?

– Не знаю. В институт поздно.

– Да, тебе Сомов записку оставил. И ключи от квартиры у меня. Постой с маленьким, я принесу.

– Люсин? – спросил, наконец.

– Наш, конечно. Замуж выскочила, не дождалась, пока кончит свой медицинский. Год пропустила, но сдаёт экзамены, девочка серьёзная. На третьем курсе уже. Муж в Москве, в архитектурном, на четвёртом. А ей и так на год больше учиться. Познакомились на экскурсии по Золотому кольцу. Через год поженились.

И до свадьбы ездили туда-сюда, и потом. Говорила я, кончайте учиться, определитесь, где жить. Но кто слушает родителей! Я боялась, бросит институт, уедет к нему. Нет, учится, старается. Вот, я пока при деле. Окончит, буду куковать одна. Ты подожди, я быстро!

Олег остался с коляской. Почему-то боялся взглянуть на мальчика, но посмотрел. Малыш спал спокойно и безмятежно. Вязаный костюмчик, разноцветные узоры и на ползунках, и на шапочке, и на кофточке. Ручки раскинуты свободно. Бабуля, наверное, связала внуку эту красоту.

Люся вот-вот придёт, с ней лучше не встречаться. А записка – это важно. Значит, помнит его, считает своим. И как только тётя Вера принесла два листочка бумаги и ключи, быстро попрощался.

Он зашёл в свою комнату в коммуналке. До того, как его взяли во дворе, посадили в машину и увезли на шесть лет, в квартире было три семьи. У них две комнаты, ещё у одних – две и одна у третьего соседа.

Сейчас только их комнаты были заперты, остальные – нараспашку. Очевидно, расселили коммунальное жильё, сумели люди получить или купить нормальные квартиры.

Открыл дверь. Лучше бы не открывал. Засосало под ложечкой от какой-то потусторонней пустоты. Слой пыли на старой мебели. И паутина в углах.

Вышел, запер дверь. Он много лет не будет здесь жить. Приватизирует всю квартиру, при помощи Сомы, будет изредка оставлять вещи, не нужные в Москве.

Но сохранит прописку – в столице он невидимка, числится в Питере по всем документам. И машина, которую ему подарит Сом после защиты диплома, будет ездить под питерскими номерами.

А тогда – вышел во двор, тётки Веры с малышом уже не было. Достал листки, что она ему дала. На одном был план места на кладбище, на другом только номер телефона.

Сначала поехал к своим. Ожидал увидеть заброшенные могилы. И удивился, вздохнул с облегчением. Они были рядом за общей оградой, памятник с двумя фотографиями, белая мраморная крошка.

Кто ухаживал за его бедными родителями? Кто их похоронил, поставил памятник, ограду, скамейку? Он сидел и молчал, слов для мамы с отцом у него не было.

Виноватым себя не считал, так сложилась жизнь. Не он один прошёл через тюрьму. Не сломался, знает, как жить дальше. У него будет много денег, очень много. Как их заработать?

Дядя Сом говорил – рэкет, оружие, наркотики. Рэкет его не привлекал, даже тюрьма не выработала необходимой жестокости. Наркотики, это была знакомая сфера.

Надо только войти, найти вход. Сом оставил ему телефон, зачем-то ведь оставил!

Бросился искать телефонную будку. И знакомый голос:

– Это Сом, я в Москве. Приезжай «Красной стрелой», второй вагон.

Все вопросы с питерской полицией Сом решил одним звонком, и теперь встречал его на платформе.

Он не сразу узнал мальчика, того Олега, красивого, ухоженного, с аккуратной шапкой волос на голове.

Перед ним был высокий худой парень в брюках и куртке неопределённого темного цвета, с жиденьким рюкзаком за плечами, с чуть отросшими после стрижки наголо волосами, землистым лицом и голодными глазами. От него плохо пахло. Тюрьмой.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом Сом сглотнул комок в горле и обнял Олега. Тот заплакал.

– Ну, ничего, ничего, Олежка! Не плачь, пожалуйста. Всё будет по высшему классу, и волосы отрастут, и есть будешь, что захочешь, и сколько хочешь, но не сразу. Поехали домой.

Квартира была скромная, однокомнатная в панельной девятиэтажке.

– Так, – сказал Сом, – снимай всё это, снимай, я отнесу в мусоропровод. Не клади на пол, давай сюда. Документы вынимай. Ты подросток, возмужал. После поговорим, давай в душ и за стол. Голодный?

Потом Олег сидел перед Сомом в его спортивном костюме, который висел на нём, как на вешалке.

– Я твоей маме обещал, что сделаю из тебя человека. Я ей твёрдо обещал и слов на ветер не бросаю. Но без фокусов, понял? Будешь делать в точности, что я скажу.

– Вы их похоронили?

– Да. Сначала папу твоего, а потом и маму. Она горевала очень, и как-то быстро... но, когда уезжал, поручил верным людям следить за их могилами, и деньги посылаю. Ты не переживай, им там хорошо. И за тебя пусть будут спокойны, я тебя не брошу.

Ну что ты плачешь опять? Будешь у меня вкалывать по первое число! Времени мало, поступать в институт – в этом году, и так столько времени потеряно. Школу окончил там, есть аттестат? С завтрашнего дня будешь готовиться с репетиторами.

В технический пойдёшь, юристов и экономистов расплодилось, пруд пруди. А технари всегда нужны. И даже не думай провалиться, и думать не смей! Надо навёрстывать потерянное время. Сейчас – все возможности подняться дельному человеку.

И началась гонка. Репетиторы приходили домой, сменяя друг друга.

– Английским будешь заниматься с преподавателем, пока не научишься говорить, как лондонский лорд, и вести себя соответственно.

– Зачем, дядя Сом, разве я когда-нибудь поеду в Лондон?

– А как же? Время такое. И в Лондон, и в Берлин, и куда угодно. А с английским ты везде хозяин положения.

Отрасли волосы, и Сом отвёл его к своему парикмахеру. Прошлись по магазинам, и появился гардероб. Олег выглядел, как вполне современный молодой человек.

Но тюрьма надолго оставила ему серый цвет лица и рук, голодный блеск глаз, и почти неуловимый тюремный запах.

И к Луизе Сом его повёз. Она занимала небольшой офис на втором этаже огромного бывшего научно-исследовательского института, каких в стране было великое множество.

Теперь они едва держались на плаву, сдавая помещения маленьким фирмам и фирмочкам, которые росли, как грибы в сырую погоду. Лопались, возникали новые.

Соседями у неё были небольшое издательство, туристическое агентство, фирма пищевых добавок. У дверей висела строгая вывеска: «Эскорт-агентство».

Никому в голову не приходило, что эта милая женщина приватизировала бывший пионерский лагерь и устроила в нём пансионат.

Олегу она понравилась. Красивая, приветливая. Сона встретила, будто рассталась с ним только вчера. На самом деле, так оно и было.

– Лу, это Олег, я тебе о нём рассказывал.

Она улыбнулась, будто только его и ждала всю жизнь. Так было с каждым из клиентов.

– Я хотел позже привести, у него экзамены. Но пусть передохнёт. Да, не удивляйся, надо навёрстывать. И так сложилось, что у него до двадцати двух лет не было женщины. Дай ему такую, Лу, чтобы сделала из него настоящего мужчину, секс-символа, можно сказать.

Олег испуганно смотрел то на Сома, то на Луизу. Она молча обняла его.

И было в пансионате два сумасшедших дня и две ночи. Женщину звали Неля. Впрочем, какие имена им здесь придумывают! Он потом каждую звал просто девочка.

Нелю звал по имени. Казалось, на всю жизнь ему нужна именно эта женщина. Других не надо, и ближе не будет никого. Она открыла ему другой мир. И Женщину. И его самого.

Перед отъездом спросил:

– Когда мы увидимся?

– Никогда. У тебя будут другие женщины. Много, сколько захочешь. И каждая будет счастлива с тобой.

– Неля, что ты говоришь, мне никто не нужен, кроме тебя!

– Глупости. Ты забудешь меня с первой девчонкой.

– Я тебя никогда не забуду.

И, правда, не забыл. И не видел больше никогда.

Пытался отыскать в альбомах, где выбирал себе спутницу на море, или в номер пансионата, или, как это называлось здесь, птичку в клетку, на съёмную квартиру, они у Луизы всегда были наготове – на неделю, две, на месяц.

Наверное, она была в другом разделе, ему показывали только лучших.

Его зачислили в институт. Специальности – информатика, автоматика, радиоэлектроника.

Всё, что происходило, казалось ему сном, счастливым сном, и сейчас он проснётся по гудку в комнате на десять человек.

– Учиться будешь, как зверь, не только корочки, чтобы сёк в этой информатике-электронике, как никто другой. И в работу буду включать постепенно. Но пока отдохни до первого сентября. У меня есть отель, далеко. Только туда и летаю. И номер там один и тот же, вернее, два номера в одном бунгало, я его выиграл у хозяина в бильярд, один для тебя, второй для твоей женщины. У неё проще, значительно. А у тебя, как в пятизвёздочном отеле, спальня, гостиная, телевизор – смотри фильмы на английском, прекрасная практика.

Хотя, если поехать куда, Луиза даст тебе переводчицу «всё включено».

– Это как?

– Как Неля, что захочешь, на блюдечке.

– Ничего себе...

– Олег, деньги делают всё. Нужно только самому делать деньги. Большие, очень большие, тогда тебе всё на блюдечке.

Женщину в соседний номер они выбирали вместе в офисе Луизы, в красивом альбоме с фотографиями. Это сейчас у неё сайт в ноутбуке. На юг – женщины в летних платьях, в брючках с маечками, в купальниках на фоне моря. Все радостные, улыбающиеся, счастливые, не жизнь, а сказка. Без косметики, как ему казалось. Была, конечно, но в меру.

Одна красивей другой, беленькие, чёрненькие, с короткими стрижками, с длинными волосами. И можно было просто сказать – вот эту, и она твоя? Сом поглядывал на него с интересом.

– Ну, решай, у меня нет времени. Смотри в начале, там девочки твоего возраста. Хватит с тебя Нели.

И он полетел! Пачка долларов от Сома придавала уверенность в себе, будто фундамент в этом неустойчивом мире.

И девочка от Луизы была первым человеком в жизни, выполнявшим любые его желания, только подумать, можно не говорить.

На третьем курсе у него уже имелась съёмная квартира, и он был при Соме порученцем, помощником и учеником. Деньги не просто получал на жизнь, на развлечения, он их зарабатывал.

И Сом, как с парикмахером, фитнесом, бильярдом, сделал его вкладчиком своих проверенных оффшорных банков, и российского, на текущие расходы. Они были скромные.

Счета в банках, на взгляд Сома, были мизерными, но для питерского мальчишки, выросшего на родительских зарплатах, это были огромные деньги. Когда он прибавлял к ним очередную сумму, чувствовал какую-то уверенность в себе, даже уважение. Просто знать, что они у него есть.

На кафедре автоматике был кружок, и он увлёкся умными игрушками. Приносил Сому самолётик, управляемый с пульта. Или подводную лодку, действующую по программе. Она погружалась, всплывала, открывала и закрывала люки, стреляла из пушек, из появляющихся амбразур.

Сом был в восторге. А однажды Олег устроил настоящее танковое сражение – два танка, два пульта. И они с Сомом маневрировали, стреляли, уходили от выстрелов. Выиграл Олег, но Сом не расстроился:

– Слушай, это же золотая жила! Ты будешь королём игрушек. Русская игрушка, Рашен той! Магазины по всему миру. Присмотри дельных ребят, организуем конструкторское бюро. Но в Питере. Ты в Москве, пока студент, а потом будешь человеком-невидимкой, как я. Дом в Питере, машина – подарю, когда окончишь институт, – с питерскими номерами, фирма в Питере. Представительство в Германии, для международных контактов.

– Дядя Сом, это не игрушки! Я имею в виду бизнес. Всё время будет забирать, без остатка. А как же сеть?

– В бизнесе – другие люди. Будешь подбрасывать идеи, контролировать. Никто не занимается бизнесом в одиночку. Нужен штат, дирекция, бухгалтерия, юридический отдел, рекламный. Менеджеры по продажам.

– Но им всем надо будет зарплату платить! Что я заработаю на игрушках?

– Ты будешь долларовым миллионером. Легальным! Твои родители были бы довольны, даже счастливы. Надо только по-умному организовать. И чтобы здешние деньги перетекали в легальный бизнес.

И организовал же! Олег только узнавал от него – купили небольшое ателье, достроили, теперь там конструкторское бюро, химическая лаборатория, два опытных цеха, механический и монтажный.

И всё получилось, как говорил Сом, директор, секретарь, бухгалтерия, юрист, рекламный отдел. Запатентовали название: ООО «Русская игрушка».

Потом Олег с удивлением узнал, что владеет большим земельным участком на окраине Пскова под производственные корпуса. И от города близко, и от железной дороги недалеко.

Заказов было ещё мало, хотя каталог выпустили и разослали по магазинам игрушек. И начали строить корпуса будущего завода. Игрушечного!

Олег то работал в конструкторском бюро и в лаборатории, то исчезал на неделю, на две и занимался московскими делами.

Пока был Сом...

Пансионат у Луизы преобразался на глазах. Евроремонт в старых корпусах, рестораны в каждом корпусе. Кинозалы крутили зарубежные фильмы с кассет, бильярд, как в лучших домах.

Олег понимал, дядя Сом помогает Луизе не только советами. И Луиза принимала его, как близкого человека, племянника Сома, он же называл его дядей.

Но всё чаще Олег с тревогой замечал, как Сом дышит тяжело, как ему трудно подняться с кресла. Он постоянно жил в пансионате, и там начал знакомить Олега с нужными людьми, фактически, передавая бразды правления сетью.

И вдруг Олега отыскал поверенный из Америки. Наследство! Дальний родственник, сын эмигранта из Питера, тоже Коршунов.

Он приехал в пансионат растерянный:

– Дядя Сом, у нас не было никогда родственников в Америке! И вообще, сколько себя помню. Деньги – хорошо, но это какая-то ошибка.

Сом расхохотался так, что закашлялся.

– Ну, ты лох, Олег! Какие родственники! Легальные деньги на оборудование.

Почти десять лет Олегу посчастливилось жить рядом с ним, под его доброй и внимательной опекой. Он долго не мог смириться с потерей единственного близкого человека.

Умирал Сом в пансионате. Луиза не отходила от него. Олег не мог просто смотреть, как он уходит, привозил лучших профессоров, заказывал лекарства из-за границы. Привёз из клиники аппарат искусственного дыхания. А потом они с Луизой сидели молча, держась за руки...

И началась самостоятельная жизнь. Теперь он основное время должен был уделять сети. Бизнес в Питере развивался, практически, без его участия.

Деньги с оффшорных счетов по выстроенному Сомом руслу перетекали в легальный бизнес.

Время от времени он наезжал в Питер. Специалисты высшего класса воплощали все его идеи, своих тоже хватало.

Выпустили железную дорогу, он мечтал, о ней, когда был маленьким.

Ночевал в специально устроенной комнате за кабинетом. И там установил первый образец, включал его, когда оставался один вечером. Мог часами нажимать на пульт и следить, как паровозик, выпуская пар из трубы, бежит по рельсам, останавливаясь у красных семафоров.

Его умельцы знали об этом, но помалкивали.

Как-то незаметно игрушки начали хорошо продаваться. Пошли серьёзные зарубежные заказы. Спрашивали, для девочек будут куклы?

Нашёл художницу и модельера. Купил обычный пресс, его ребята переделали, приспособили его, и мордочки можно было штамповать, и ручки, и ножки. И цвета любые, хоть розовый, хоть жёлтый, хоть шоколадный. Сделают образцы, каталог, и в мир!

Игрушки стали приносить серьёзные деньги, хоть и несоизмеримые с основным бизнесом. Олегу докладывали – открыли фирменный магазин в Париже. Ещё один в Праге.

Сом организовал ему представительство во Франкфурте. У Олега и там был офис с комнатой за кабинетом.

Заезжал по дороге на юг, летал не из Москвы, а из Франкфурта. И все деловые встречи с заграничными партнёрами – там. Офис был роскошный, современный. Серые кожаные диваны и кресла, никель, картины на стенах. Несколько сотрудников.

## Глава 4

### Москва, 2003–2010 гг.

Провидение будто собирало всех действующих лиц в одном пространстве. Расставляло по местам для своих дальнейших действий, чтобы в назначенный срок, нарушая заведённый порядок, их не надо было перетаскивать в одну точку.

Борис, Люсин муж, окончил институт с красным дипломом, работал в мастерской известного архитектора. Макет Прекрасного района, его дипломная работа, украшал актовый зал института. Там его и увидел бывший ещё мэр города.

Судьба ударила в литавры! Он ходил вокруг макета, забыв про более важные дела.

Борису дали мастерскую. Он тщательно отбирал единомышленников.

Шла кропотливая ежедневная работа, растянутая на годы. Объявили конкурс среди строительных организаций. И, одновременно с проектированием, шла стройка, обустройство территории, зелёные насаждения. Уже проступали из этого хаоса контуры Престижного района, как его переименовали рекламщики.

Премия мэра он получил, но её не хватило даже на первоначальный взнос за квартиру.

Сначала они хотели её в доме возле детского садика для сына, Артёма. Но пока собирали недостающую сумму, дом раскупили. Следующий был дороже. Детский садик ушёл в прошлое, Артём стал школьником.

Новые дома заселялись один за другим. Но человек, с заработком выше среднего, с талантом, неиссякаемой фантазией, не мог здесь позволить себе квартиру.

Не мог – в районе, который он вымечтал, перенёс на ватман и продолжал воплощать в действительность.

Район был уже вполне комфортным – своя поликлиника и больница, оснащённая по последнему слову техники. Прекрасная школа, две библиотеки, кинотеатр, Дворец культуры.

Высотки вписывались в улицы и проспекты, не нарушая их гармонии, словно недостающая деталь.

Дома строились двух классов, экстра и обычные. На экстру они не замахивались, но и обычную квартиру с отделкой не могли осилить.

И Борис нашёл решение – предложил возвести один, а если будет спрос, и не один дом эконом-класса, без отделки.

Стоимость квадратного метра была высокой, но не зашкаливала. С ипотекой вытянули. Артём уже перешёл в шестой класс.

Всё это время они жили у родителей Бориса в двухкомнатной хрущёвке с пятиметровой кухней, две хозяйки на таком пятачке. Только врождённая Люсина кротость и деликатность не позволили рассориться на всю жизнь.

Артёму в родительской комнате отгородили угол шкафом – половина окна, столик отец соорудил по месту, узкая кровать.

Завтракали и ужинали по очереди. Обед Артём разогревал сам – работали все. Свёкор любил Люсю и понимал. Борис мучился, что не может ничего изменить.

И, наконец, квартира! Сто восемьдесят с лишним квадратных метров пространства, огороженного только внешними стенами, две застеклённые лоджии. Живи – не хочу.

Смотрели всей семьёй. Артём был удивлён, Люся потрясена. Старики молчали. А Борис говорил, говорил:

– Это же хорошо! Планировка будет, какую захотим. И постепенно, постепенно... сначала утепление, потом сантехнику, кухню, перегородки.

Потом, обязательно, комнату Артёму. В его возрасте очень важно иметь свою комнату, оставаться на какое-то время наедине с самим собой. Так формируется личность. А потом уже спальню, кабинет, гостиную, холл... пап, мы же с тобой – на все руки, правда? Сварку не осилим, а всё остальное запросто, правда, пап?

– Правда, сын. Царская квартира.

Планировку выбрали из десятка вариантов, которые придумал Борис. И началась стройка.

Равняли пол, утепляли, штукатурили периметр.

– Главное – кухню-столовую побольше! – попросила Люся.

– Всё будет, как захочешь, твоё слово решающее!

К осени закончили с утеплением и поставили батареи, чтобы зимой можно было работать.

Жить продолжали у родителей Бориса. Дед ещё работал в школе. После занятий ехал на старом жигулёнке за материалами. Борис приходил с работы, и они трудились до поздней ночи.

Артёма в «квартиру» не пускали, зачем дышать цементом.

Дед ушёл на пенсию – стройка требовала. К зиме основа пола была готова. И на цементе нарисовали краской план, контур будущих комнат.

Квартира будет высасывать из семьи все соки не один год. Ипотека висела неподъёмным грузом, Борис брался за любую подработку, но это не спасало.

Осенью Артём пошёл в шестой класс новой школы.

Вытянулись в ниточку, но мальчик был прилично одет. Правда, у него не было ни дорогого смартфона, ни планшета, как у большинства одноклассников. Но он был открыт и дружелюбен, давал всем, кто хотел, списывать решения задач, и как-то смог вписаться в непростой подростковый коллектив.

Посадили его рядом с красивой девочкой. Каштановый хвостик волос от макушки, весёлые карие глаза. Девочку звали Даша.

Она была заводилой, и когда разрешила проводить её домой, класс принял его окончательно.

Они с Дашей гуляли, наматывали круги по району, прежде чем попрощаться у её дверей. Это был хороший год.

Баба Вера настояла, чтобы на лето Артёма отправили к ней в Питер. Уезжал неохотно, и старые, и новые друзья оставались в Москве.

Она работала уже не дворником, а в дежурной ЖЭКа. И свободного времени прибавилось.

Подружилась с такой же одинокой женщиной в своём доме, и они вдвоём ходили по городу, ездили и за город. И музеи, театры – не страшно поздно вечером возвращаться домой.

И теперь она могла обеспечить внуку, кроме вкусной и сытной еды, дома было скучно, серьёзную культурную программу.

За лето Артём подрос, возмужал, и, как говорила баба Вера, стал немного питерцем. Но он вырос из своих одёжек! Кроссовки стали жать, брюки поднялись выше щиколоток, руки вытянулись из рукавов рубашки.

Пришлось покупать новую экипировку. Ни баба Вера, ни он, понятия не имели о модных брендах, что понравилось, то и купили в недорогих магазинах.

В Москву приехал в новом облачении.

Первым делом он поехал смотреть квартиру. За зиму дело дошло только до туалета и ванной со всем оборудованием, но без плитки. Её оставили до лучших времён. За лето прибавилась полностью оборудованная кухня.

Высшие силы вселенной, наверное, хорошо относятся к трудоголикам. Ещё в начале зимы Борису заказали проект загородного дома одного московского чиновника.

Всю зиму ночами он работал над этим проектом. Весной можно было начинать стройку. За строителями дело не стало, хотя у него в глазах рябило от похожих друг на друга мигрантов. Материалы доставлялись с опережением. Стройка шла по оправдавшему себя в советские времена сетевому графику.

Весь отпуск Борис провёл за городом, оставив квартиру на отца. И появились деньги! Отец выложил стены кухни, оштукатурил, уложил тёплый пол, постелил плитку. Смогли купить дорогой гарнитур со встроенной техникой. Люся сшила весёлые занавески.

Кухня стала первой жилой комнатой. Родители ещё до возвращения Артёма переехали в новую квартиру. Площадь кухни позволила и обеденный стол в углу под абажуром, и две раскладушки рядышком на ночь.

С приходом Артёма появилась третья. Её и поставили в кухне, а родители переехали в свою нарисованную спальню. Опять две раскладушки рядышком. А в нарисованном кабинете работала по ночам чертёжная доска.

Кирпич привезли двумя машинами, и он стоял штабелями в разных частях пустого пространства с блестящим, немислимой ровности и гладкости зажелзненным полом.

Борис отказался от гипсокартонных перегородок, всё должно быть капитально, и сыну, и внукам, и правнукам.

В комнате Артёма надо было возвести три стены с дверью, выходящей в холл. Туда же предстояло вывести двери из гостиной и кабинета, и спальни. Из прихожей вёл коридор, в конце которого была кухня. Вход в холл – из коридора. Ванную и туалет поместили рядом с кухней, чтобы трубы не тянулись через всю квартиру.

Борис переживал, что они никак не могут начать комнату Артёма:

– Подерётся в школе, или ещё что-нибудь натворит, придёт опека – ах, ах! У мальчика нет своей комнаты. Спит в кухне на раскладушке. Делает уроки на кухонном столе. В детский дом! В детский дом! Там ему будет лучше во всех отношениях.

У Люси ужас метался в глазах от этой перспективы.

– Пап, обещаю до сдачи в эксплуатацию нашего замечательного объекта – никаких драк! А если кому-нибудь очень захочется со мной подраться, скажу, подерёмся, обязательно, только подожди, пока мне комнату достроят.

– Молодец, так держать!

Оставалось немного времени до первого сентября. Взять учебники в школьной библиотеке и повидаться с Дашей.

Встреча получилась совсем не такой, как он ожидал, три месяца – огромный срок в жизни подростков. Дашу было не узнать, в свои тринадцать лет она стала настоящей красавицей, и одета с иголочки.

Артём был одет неплохо, но ни одной фирменной вещи. Даша отметила это сразу. За лето у них в классе произошли большие перемены, неизбежный в наше время «водораздел» на детей богатых родителей, из домов экстра-класса, и скажем, не бедных, таких в Престижном районе не могло быть по определению, но стоящих на несколько ступенек ниже по социальной лестнице.

Даша знала, что отец Артёма – руководитель проекта их района, это ставило его на одну ступеньку с ней. Но она уже поняла, определила для себя шкалу ценностей – у отца Артёма

нет таких денег, как у её родителей. И друзей её родителей. И у родителей её новых друзей по классу.

Это было главным. Если ты умный, почему не богатый? Этот критерий укоренялся в обществе, значит, и в детском коллективе.

Бедные, это те, кто не может покупать своим детям одежду мировых брендов, дорогие смартфоны и планшеты. Кто не может похвастаться сэлфи с мировых курортов. Значит, их родители неудачники и нищоброды. И с ними она не может иметь ничего общего.

Она уже оценила его, как у них называлось, прикид. Особенно её шокировали кроссовки, простые, на плоской подошве и матерчатым верхом.

– Как ты провёл лето, Артём, куда тебя возили?

– Был в Питере у бабы Веры. Классный город.

– А мы были на Мальдивах. Вот, смотри сэлфи.

Фотографии были ослепительны. Фон Артёма не интересовал, ослепительной была Даша на этих фотографиях, то в белых брючках и маечке, то в купальнике, то в белом платье под белым зонтиком.

– А здесь, в Москве мы тоже неплохо проводили время. Знаешь, Артём, я подумала – мы уже не маленькие, когда всё равно, кто из какого круга. Ты хороший мальчик, но ты мне не по статусу.

– Как это, что ты хочешь этим сказать?

– А ты не понимаешь! Посмотри, какие у тебя кроссовки! Дешёвка. И вообще, куда ты можешь меня повести, в кино? У тебя же просто нет денег ни на что. А за красивой девочкой нужно ухаживать. Вот Ромка умеет, и деньги у него есть. Водил меня во взрослый клуб на дискотеку, его пускают, не знаю, за деньги, или так.

Он слушал и молчал. Потом повернулся и пошёл, куда глаза глядят.

– Артём, ты что? – крикнула Даша. Но он не оглянулся.

Первого сентября, когда он вошёл в класс, Даша сидела с Ромкой. Рядом с Артёмом было свободное место.

Мария Николаевна, классный руководитель седьмого класса «Б», вошла не одна, с незнакомой девочкой. Пока она ждала несколько секунд, чтобы класс успокоился, девочку разглядывали с интересом. Невысокая, худенькая. Светлые волосы собраны в косу.

И вдруг девочка улыбнулась классу широко и приветливо. Новенькие не улыбались, держались настороженно.

– Здравствуйте, – сказала учительница, – у нас пополнение, Оля Токарева. Прошу любить и жаловать. Где свободное место? Вот, Оля, садись, средний ряд, третья парта. Артём, я надеюсь, всё будет хорошо?

Артём наклонил голову. Девочка села рядом. Ну и хорошо, Оля, так Оля. Пусть Даша смотрит.

Урок был, как урок. Соседка сидела спокойно, не оглядывалась по сторонам. Слушала внимательно. На перемене вышла из класса последней. Стала у окна.

К ней никто не подходил. Постояла, посмотрела на ребят.

В зале не было малышей, никто не бегал, не дрался, девочки стояли стайкой у стены. Кто-то побежал вниз по лестнице, кто-то ходил по залу.

В класс вошла вместе со всеми. Артём с ней не заговаривал. После уроков собрала рюкзачок и вышла. Не улыбалась уже.

В их классе, у них в городе, если бы пришла новенькая, её бы окружили, стали расспрашивать, откуда приехала, где живёт...

Класс был замкнут. Она ему не интересна.

Артёму она тоже была неинтересна. Вот Ромка повесил Дашин рюкзачок на плечо, значит, пойдёт провожать. Ну и пусть. Она ещё пожалеет!

Карманных денег он не видел давно. Разговоры о новой квартире шли, сколько он себя помнил. Взрослые не позволяли себе не то, что лишнего – самого необходимого!

Он рано начал всё понимать. Никогда не просил что-то купить, или просто денег на кино или мороженое. Когда перепадало – хорошо. Экономил на завтраках, покупал Даше мороженое. Себе не покупал:

– У меня горло! – Что именно у него с горлом, не уточнял.

Один раз даже повёл в кафе-мороженое, тоже себе не заказывал.

Он ей ещё покажет! Устроится в Макдоналдс или курьером. Лучше курьером, там свободный график.

Домой шёл, опустив голову. Но за квартал вкусно запахло пищей. Тоже был запретный плод.

Грузный дядечка передавал пакеты мальчишке, чуть старше Артёма.

– Малыш, не перепутай, как в прошлый раз. Я тебя предупредил – прогону. Таких, как ты, полная Москва.

Артём стоял молча. Мальчик сложил пакеты в красивый фирменный короб, надел такую же красивую куртку и бейсболку и ушёл.

– Чего тебе? – спросил дядечка, – пиццу?

– Нет, мне нужна работа. Я справлюсь, не смотрите, и велик у меня есть, и живу в квартале отсюда.

– А что, можно попробовать, тем более велик есть. Вечером сможешь? Основные заказы вечером. Меня зовут дядя Гурген.

– А я – Артём. Вечер меня устраивает, днём я учусь.

– Приходи в семь часов.

Заказов было семь, все в их районе. Он управился быстро. Заказывали по Интернету, платили на карточку Гургену, только расписаться, и можно ехать дальше.

Денег за вечернее катание на велике, по его понятиям, он получил прилично. И объявил дома:

– Я устроился пиццу развозить. Вот, первая зарплата.

Родители переглянулись. Мама взяла две сотенные купюры бережно, будто это и впрямь были серьёзные деньги.

– Артём, у меня нет слов. Отец, это надо отпраздновать, первая зарплата сына! Вырос мальчик, а мы и не заметили.

– Учёбу не запускай, – сказал отец, – и это твои деньги. Мы пока с мамой справляемся.

– Только купите мне сейчас нормальные кроссовки, чтобы в школе не макали.

Деньги он положил в книгу на полке. Как дать понять Даше, что он больше не нищий, ещё не придумал.

В школе всё было по-прежнему. Соседка не доставала его, не задавала вопросов, не лезла с разговорами. Сидела тихо. Её не спрашивали пока, давали привыкнуть.

А он после уроков быстро собирал учебники, тетради и убегал. Надо было успеть с уроками до вечера.

Однажды, когда собирался, вдруг поднял на неё глаза, – может, почувствовал взгляд?

Она не отвернулась, просто улыбнулась ему.

– Ну, здравствуй! – почему-то сказал он.

– Здравствуй, – ответила она, не удивившись, будто они встретились в первый раз.

– До завтра! – И убежал.

Оля шла по дорожке от школы к воротам и улыбалась про себя. Даша поджидала её за воротами. Пошла рядом.

– Привыкаешь к московской жизни?

– Привыкаю.

– Мы можем подружиться, если хочешь.

– Как получится, – ответила Оля.

Даша остановилась. Ответ был неправильный. Она должна была ответить, что рада, что совсем одна – и в классе, и в школе, и в городе.

– Ты у нас на время, или как?

– Где – у вас? В классе или в городе?

– И в Москве, и в классе.

– В Москве – пока вырасту, а там видно будет. А в классе, пока мы все закончим школу.

Почему ты спрашиваешь?

– Интересно. Как ты попала в Москву?

– Мама... замуж вышла. И переехали мы, когда она здесь на работу устроилась.

– А где вы жили?

– В Обнинске.

– Так что у тебя теперь есть отчим. Не обижает?

– А зачем ему меня обижать? – удивилась Оля.

– А отец где?

– Умер, я ещё маленькая была.

– Я что хотела тебе сказать. Не смотри на Артёма, это мой мальчик, то есть был моим. Но я его отшила, он человек не нашего круга. Хотя... кроссовки уже нормальные. Хотела бы я знать, откуда у него деньги. Но всё равно, не раскатывай губу, видела я, как ты ему улыбалась. Я, может, ещё передумаю. А его – только поманить! Прибежит, как миленький. Это я, чтоб ты знала, на чужой каравай рот не разевай.

Она говорила, стоя на дорожке и не давая Оле пройти.

Оля смотрела на неё несколько секунд, потом обошла по газону и пошла к автобусной остановке.

## Глава 5

### Москва, 2010 г.

Дом был новый, красивый, с большим вестибюлем и консьержкой. Мама с Леонидом Павловичем на работу ездили машиной, Олю подвозили по дороге, она стеснялась, выходила за квартал.

Прошлой зимой мама рисовала их квартиру в Москве бабушке и Оле и показывала комнату с выходом на длинную лоджию:

– Это твоя. Там обои под покраску, какой ты хочешь цвет?

– Можно, салатный?

– Конечно!

И в пятницу вечером мчалась в Москву к своему Лёничке, как говорила бабушка.

А весной уволилась, надо было кончать с ремонтом, определять Олю в школу и перевозить в Москву до первого сентября.

Квартира была роскошная, на Олин взгляд. Их двушка в Обнинске не выдерживала никакого сравнения. Но она была своя, родная. И старая мебель, которую бабушка не давала менять, и вид на двор из окна. И слышно было, как снизу кричат подружки:

– Оля, выходи!

Здесь с четырнадцатого этажа был широкий обзор – красивые дома, широкий проспект, запруженный машинами.

Она ходила по дому, как в гостях. Садилась на краешек дивана в гостиной. Мама смотрела на неё с жалостью:

– Ну что ты не привыкнешь никак! Радоваться надо, это же Москва!

С работы мама с Леонидом Павловичем приезжали вместе, он устроил её на свою фирму.

Мама была весёлая и счастливая. Переодевалась и сразу начинала готовить – ужин, обед Оле на завтра. Она помогала маме, как дома, только чтобы побыть рядом. Леонид Павлович стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на них.

Взрослая девочка в доме, к этому надо привыкнуть. Другое дело, когда у них с Аней появится маленький, будет расти на глазах. А эта девочка, так похожая на Аню... Она дичится его, стесняется. И так привязана к маме!

Он предложил, пусть поживёт с бабушкой, когда появится маленький, станет не до неё! – И чуть не потерял свою Аню на этом. Больше не заикался.

Оле вопросов не задавал. У неё было чувство, что он изучает её, как внезапно появившегося в доме зверька, или вообще непонятное существо. А мама спрашивала:

– Как в школе, ты подружилась с кем-нибудь?

– Они меня в упор не видят.

– Ничего, увидят ещё, куда денутся!

Сегодня увидели, сразу двое. Артём сказал – здравствуй, будто они только встретились, и Даша – я, может, стану с тобой дружить, но на Артёма рот не разевай.

Дома она непременно рассказала это маме и бабушке, и они посмеялись бы вместе. Но здесь, когда Леонид Павлович стоит у косяка...

Сейчас они сядут за стол, потом она уйдёт к себе, а мама с ним останутся на кухне мыть посуду.

Назавтра в школе Артём нормально общался с Олей, не было стеклянного барьера, как раньше. Не убежал первым, подождал, пока она соберётся, шёл рядом к выходу.

– Ты на автобус?

– Да.

- На какой?
- Всё равно, мне три остановки.
- А мне – две. Вы переехали из центра?
- Из Обнинска. Летом ремонт заканчивали, спешили, чтобы я в школу успела.
- Семья большая?
- Бабушка там осталась, дома. А здесь – мама, отчим и я. Лучше бы меня с бабушкой оставили!
- Хорошо, что не оставили. Это же Москва! Автобус идёт. Диктуй свой телефон. Так, записал. Ты на велике ездешь, есть велик?
- Есть, конечно.
- Тогда я жду на твоей остановке завтра в одиннадцать. Я пиццу развожу. В будни вечером, а в выходные – днём. Поездишь со мной?
- Конечно, с удовольствием!

За ужином спросила:

- Мам, я хочу завтра на велике покататься. Можно?
- Я думаю, сначала нам надо поездить вместе, одна ты заблудишься.
- Я не одна, мне Артём предложил покататься. Мальчик, мы с ним за одной партой сидим. Мама с Леонидом Павловичем переглянулись.
- Возвращайся к обеду, часа в два, мы тебя подождём.
- А велик внизу, в гараже?
- Здесь нет гаражей, парковка под домом. В кладовке твой велик.
- Достанем завтра, не волнуйся, – сказал Леонид Павлович. Оля посмотрела на него. Он впервые с приезда заговорил с ней.

После завтрака поднялся первым из-за стола:

- Пойдём, посмотрим, всё ли в порядке с твоим великом.
- В лифте, кроме них, никого не было. И она спросила, неожиданно для себя и для него:
- Дядя Лёня... можно, я вас так буду называть?
  - Как тебе удобно.
  - У вас есть дети?
  - Не было, к сожалению, ты первая. Опыт у меня нулевой. Если я что-то не так скажу, или сделаю, не обижайся, хорошо?
  - Я постараюсь.

Они шли через парковку к кладовкам.

- Понимаешь, мы с тобой вошли в комнату, ну как бы через разные двери. Между нами пространство. И нам надо идти друг к другу по шажку, по два. Обоим, и мне, и тебе.

Оля улыбнулась ему:

- Вы уже сделали первые шаги, спасибо!
- И ты тоже. Вот твой велик. Старенький, конечно.
- Ничего, зато надёжный!
- И доехал нормально. Я провожу тебя на остановку.
- Не надо, только на улицу.
- Ладно.

Остановка была пуста, наверное, она пришла рано. А может, он пошутил, просто посмеялся над ней, а она поверила? Может, ему позвонила Даша, и он забыл обо всём на свете?

Но он приехал! В малиновой куртке и бейсболке, с малиновым коробом. И на коробе, и на куртке красовались надписи «Гор-р-рячая пицца!».

- Здравствуй. Садись, поехали!

Был прекрасный день. Он ехал по навигатору, когда позволяла улица, ехали рядом, или он впереди. У нужного дома тормозил, оставлял её на улице с двумя велосипедами, спускался быстро, и они ехали дальше.

В Олином доме у него были заказы, целых три.

– Я здесь живу, в третьем подъезде.

– В третьем никто не заказывал. Это элитный дом, его долго строили. Мы переехали год назад, вроде готовый был, но не заселяли.

– Мама с дядей Лёней всё лето отделявали, еле успели, чтобы я школу не пропускала. Я же перед самым-самым первым сентября приехала. А мама сначала ездила к дяде Лёне, а потом они поженились, и она переехала совсем, ещё весной.

– Подожди здесь, я быстро.

Она стояла с двумя велосипедами у своего дома. Если сейчас выйдет мама или дядя Лёня... что я им скажу? Но никто из них не вышел, выбежал Артём.

– В вашем доме всё. Что же раньше не приехала?

– Хотели сразу в новую квартиру. А я думала, они меня совсем не заберут. Мама приезжала по выходным, и все разговоры были про квартиру, и что у них будет маленький. Я плакала по ночам, что не нужна ей больше.

А потом она спросила, какого цвета ты хочешь стены в своей комнате? Там обои под покраску. И я плакала и плакала. А мама сказала, как ты могла подумать, что я тебя оставлю? Ты что!

Ну, вот. А как ты сюда попал?

– Папа этот район придумал, когда меня ещё на свете не было. Это был его дипломный проект в архитектурном институте. Начали проектировать, строить. Мы жили всё это время с дедушкой и бабушкой, в двушке, впятером.

А папа маме обещал, что мы будем жить в этом районе. Он хотел настоящую большую квартиру. Взяли кредит, платим только проценты уже два года. Называется, квартира без отделки. На самом деле, дом просто недостроенный. Все спим на раскладушках, я на кухне, её кончили этим летом, а папа с мамой в своей нарисованной спальне.

– Как это?

– План квартиры краской нарисован на цементном полу.

– Ничего себе!

– Но мама очень хотела – Престижный район! Элитная школа! Мне кроссовки купила бабушка в Питере, недорогие. Я вытянулся за лето, ты не представляешь! И кроссовки старые не надеть. Так мне в нашей элитной школе выдали за эти кроссовки, по первое число! Я родителям сказал, купите нормальные, чтобы в школе мне глаза не кололи, а я заработаю! И устроился пиццу развозить.

– Мне Даша сказала про эти кроссовки.

– Когда?

– В четверг. Встретила за калиткой. Сказала, ты её мальчик.

– Так и сказала? А ещё что?

– Чтобы я не улыбалась тебе.

– Надо же! А мне сказала, что я ей не по статусу. Ромка по статусу, ну и пусть!

– Артём, если ты меня позвал – ну, ей на зло, то не надо, я не хочу так.

– Тебя это не касается. И меня тоже. А улыбаешься ты очень даже хорошо. И дальше улыбайся, пожалуйста! Завтра поедем тоже? Вечером не зову, надо очень быстро, заказов много. А Дашу не слушай. Ромка, так Ромка, я причём!

– Она же была твоя девочка...

– Ну, была. Я приехал, а она – ты мне не по статусу! А Ромку на дискотеку пускают. Никого из наших не пускают, только её с Ромкой. Ну и пусть, мне сейчас не до дискотеки. Ничего, что я не смогу повести тебя на дискотеку?

– Ничего.

Даша не успокоилась. Подстерегла Олю в туалете:

– Ты не понимаешь, когда с тобой говорят по-человечески! – И замахнулась.

Оля успела перехватить её руку. Даша схватилась за неё и со слезами выбежала из туалета. К ней бросились подружки:

– Даша, что она с тобой сделала?

– Рука... Она мне руку сломала!

И был скандал. Мария Николаевна очень рассердилась:

– Даша, походи к врачу, я тебя отпускаю. Оля Токарева, ты откуда приехала? У нас в школе не дерутся.

– Я и не думала драться. Я только руку её отвела.

– Неправда! Ты набросилась на меня!

– Оля, я хочу видеть твою маму завтра до уроков. А сейчас – тихо в классе! Чтобы ни одного звука! – повысила голос классная руководительница.

– Я знаю, это она, – шепнул Артём.

– Артём, ты не слышал, что я сказала?

Они вышли вместе. Оля чуть не плакала:

– Что я маме скажу... неделю в школе, и уже скандал.

– Хочешь, я ей всё объясню?

– Не надо, я сама. Но что дядя Лёня подумает!

Еле дождалась вечера. А потом всё никак не решалась – ни за готовкой, ни за ужином. Только когда надо было уходить к себе:

– Мама, Мария Николаевна просила тебя зайти до уроков.

– Зайду, конечно. Ты расстроена. Что-то случилось?

– Она поверила, что я ударила Дашу. Но ты же знаешь, я бы никогда... она замахнулась на меня, я просто руку отвела. А она ударилась о стенку.

Оля говорила и плакала. Дядя Лёня стоял тут же. Если бы он не стоял, мама бы поверила ей, а он... что он подумает!

– Так, – сказал дядя Лёня, – к учительнице пойдём вместе. Новая школа, подростки. Плохо. Это из-за мальчика, с которым ты каталась?

– Да, она сама его бросила, а теперь говорит, его только пальцем поманить. Ну, и пусть поманит, драться зачем?

Мама обняла её:

– Перестань плакать. С учительницей поговорим. А тебе не надо между ними. Выходит, он тебя позвал, чтобы ей досадить? Ещё позовёт, скажи, разбирайтесь сами, не вмешивайте меня!

– Я ему так и сказала. А он – она сама решила. Сегодня так, завтра иначе.

Дядя Лёня оставил Олю с мамой в машине и сам пошёл к учительнице. Вернулся минут через пятнадцать.

– Иди, Оля, ничего с Дашей не случилось. Выдумала она всё, и ушиба даже нет.

– А с Артёмом ты осторожней, они помирятся, и все будут смеяться, – сказала мама.

– Не помирятся они, – почему-то уверенно ответила Оля.

И всё улеглось. В следующие выходные они опять колесили по своему району.

В классе очень скоро узнали, что он развозит пиццу. Кому-то из девочек они с Олей попались на глаза.

И немедленно доложили Даше – развозит пиццу! В размалёванной куртке! И Оля сторожит его велосипед.

Даша была в восторге. Вот, оказывается, откуда у него приличные кроссовки! А Оля, эта тихоня, просто помогает ему!

Спросила при всём классе, не у Артёма, у неё:

– У вас, оказывается, фирма с Артёмом, «Доставка пиццы». Так называется? Сколько он тебе платит за то, что ты сторожишь его велосипед?

Оля посмотрела на неё удивлённо. Ходит себе с Ромкой, что же не успокоится никак?

Артём собирал тетрадки. Поднял голову:

– Ну, Даша, всё тебе нужно знать.

– А я вот закажу, и ты будешь мне её привозить, как миленький. И я тебе ещё чаевые подброшу.

Класс засмеялся. Артём оглянулся – смеялись не все. Витёк не смеялся, и Стас, и Верочка с последнего ряда.

– Не надейся, не приеду. Там не только я пиццу развожу.

– А он тебя уволит, если откажешься.

– Это не твоя забота.

В выходные пришёл в пиццерию в половине одиннадцатого, как обычно. Марат, помощник дяди Гургена, упаковывал пиццу, сверял с заказами.

– Вот дневные, посмотри пока.

Дашин адрес был, и в заказе – две пиццы. Значит, его там ждёт компания.

– А дядя Гурген здесь?

– У себя.

– Можно, я пройду к нему?

– Иди, только быстро, пицца горячая.

Гурген поднял голову от бумаг:

– Привет. Что-то случилось?

– Ребята в классе смеются надо мной. И сейчас что-то затевается по Дашинему адресу, это моя бывшая девочка. Две пиццы заказали. Не могу я туда ехать, дядя Гурген. Пошлите Марата, пожалуйста!

– У Марата своя работа. Я сам туда смотаюсь, посмотрю, что за мерзавцы смеются над человеком, который зарабатывает свой хлеб собственным трудом. Иди, работай. Ты отличный парень, я тебя в обиду не дам.

Артём ушёл, а Гурген ещё говорил про себя:

– Маменькины дочки-сыночки! И папенькины! Престижный район. Ну, я вам покажу!

Машина была старенькая, Жигули. Знакомый художник, что делал вывеску на пиццерию, и машину разрисовал. И когда продавал изредка какую-нибудь свою картину, получал от Гургена любимую «Маргариту» со скидкой.

Дома в Престижном районе были красивые. Фасады выполнены по-разному – арки, башенки, эркеры, оригинальные лоджии и балконы. Они были трёх типов – фешенебельные, как Олин, попроще и эконом-класса.

Дом этой девочки был фешенебельным, кто бы сомневался! Большой вестибюль, консержка в будочке.

– Вы к кому?

Гурген заглянул в листок заказа:

- К Семёновым. Двести двадцать седьмая квартира. Пиццу заказывали, даже две.
- А, это к Даше, уже пришли гости. Езжайте, семнадцатый этаж.

Семнадцатый, так семнадцатый. В лифте перед зеркалом пригладил волосы. Фирменную куртку не надел, так и поехал, в чём был на работе, в свитере и безрукавке с множеством карманов, очень удобно.

Дверь открыла Даша, и в прихожую сразу вывалились человек шесть, крича и размахивая руками. И остолбенели все.

- Добрый день, господа школьники. Пиццу заказывали? У вас праздник, день рождения?

Надел очки и прочёл:

- Дарья Семёнова?

- Да, я Дарья Семёнова. Мы просто... отдыхаем. Сегодня же выходной!

Она растерялась лишь на мгновение. Выкрутился Артём, надо же!

- А взрослые есть кто-нибудь?

- Нет, мы сами.

– Ну, оплачено по карте, так что распишитесь, и приятного аппетита. Понравится, обращайтесь, если родители деньги дадут. У нас небольшой зал, но уютный.

- Спасибо, непременно, – сказала вторая девочка.

- Всего доброго, господа школьники.

Компания была разочарованна только вначале. Розыгрыш не удался, но пицца оказалась – пальчики оближешь!

## Глава 6

### Москва, 2010 г.

Олег возвращался к себе. Он никогда не говорил – домой, дома, как такового, у него не было. Жил на съёмной квартире.

Он взял за правило переезжать раз в полтора-два года, чтобы не примелькаться бабушкам на скамейках, и соседи не успевали заинтересоваться, кто такой и чем занимается.

Знакомый риэлтор селил его в только что отстроенном доме.

Следов своего пребывания не оставлял. Увозил мебель, и квартира выглядела так, словно стояла, закрытая, и ждала покупателя. Но машину менял реже.

Сейчас она была в ремонте, и он шёл неторопливо от автобуса к своему очередному временному жилищу.

И снова, как вчера и позавчера, мимо проехал паренёк на велосипеде.

На него нельзя было не обратить внимания, словно какая-то залётная экзотическая птица – малиновая куртка, бейсболка и малиновый короб на багажнике. И на нём, и на куртке огромными буквами «Гор-р-рячая пицца!» и телефоны.

Он достал смартфон и сфотографировал их. И внезапная идея – Вот оно, решение вопроса с доставкой товара. Заказ по телефону, а доставка пиццей!

Поднялся на девятый этаж только что сданного дома.

Квартира была необжитой, пахло краской и строительными смесями. Вышел на балкон, вдохнул свежий вечерний воздух.

И вот опять эта Жар-птица в бейсболке на велосипеде с коробом на багажнике несётся по обочине под носом у машин. Он был таким же в свои шестнадцать лет. Азарт, веселье!

Да нет, они другие. И выражение лица другое. Они спешат жить, у них всё проще. Вовсю гуляют с девочками. Пьют пиво тайком, курят потихоньку и целуются. Хотят, как можно раньше, попробовать всё – и выпивку, и курево, и девочку, и наркотики.

Наркотики – его епархия, надо вовлекать, пусть попробуют. Кто-то бросит, а кто-то останется его клиентом на всю свою короткую оставшуюся жизнь.

Он был человек-невидимка. Эту свою жизнь он придумал ещё в колонии, и следовал ей и сейчас, через двенадцать лет после освобождения. Собственно, он срисовал её с Сома. И это Сом воспитал его джентльменом, спокойным, выдержанным, уверенным в том, что он – хозяин положения в любой ситуации.

И полная, абсолютная независимость. Ни семьи, ни женщины. Дети – вообще запретная тема. Он не позволял себе думать, что тот малыш в коляске мог быть его сыном. Люся... О ней он тоже не позволял себе думать.

К его услугам всегда была очередная Луизина девочка. Взять с собой на отдых, заказать птичку в клетке, как это называлось – девочку на съёмной квартире на любой срок. И в любое время поехать в пансионат.

У Луизы для избранных, в их число он входил, конечно, существовала так называемая верхняя полка – леди, на которых заглядывались, где бы они не появились. Воспитание, шарм, изысканная красота. Принцессы, золотой Луизин фонд. Порт-фолио она держала в сейфе.

Он смотрел его, когда ехал отдыхать или выбирал надолго птичку в клетке. В пансионате для разнообразия снимал совсем на них не похожих. И ничего общего с Люсей.

Девочки были вышколены. Никакой фамильярности, чётко обозначенные границы дозволенного.

Ничего постоянного – только бунгало на Острове, доставшееся от Сома. Никаких привязанностей.

К женщинам и сам старался не привыкать, и им не подавал надежд на что-то большее. Никаких вопросов, лишних слов. Переезжал в другой район и заказывал новую «птичку».

И давнее увлечение – конструкторское бюро в Питере. Когда Сомы не стало, он был там несчастным гостем, сеть держала его в Москве.

Других разрядок у него не было, ни выпивки, ни азартных игр, ни даже сигарет, тем более, наркотиков.

Машину отремонтировали, наконец. Ехал по новому Престижному району. Ему здесь нравилось – широкие проспекты, скверы, дома не стоят, разбросанные кое-как, или впритык друг к другу.

Шёл в общем потоке машин, никого не обгонял. Спешить, в общем, было некуда.

И вдруг – знакомая реклама на малиновом фоне: «Гор-р-рячая пицца!».

Через две минуты вошёл в маленькое кафе. Несколько столиков, почти все свободны. С работы люди уже вернулись, а вечер, настоящий, ещё не наступил.

Приглушённый свет, тихая музыка и ярко освещённый прилавок у противоположной стены.

– Добрый вечер.

– Добрый. Вам пиццу? Выбирайте!

– Что посоветуете?

– Вот эту, только из печи.

– Годится.

– Что будете пить?

– Давайте пепси.

Пицца была, что надо, будто в Италии. Поел с удовольствием.

– Я могу поговорить с хозяином?

– Позвать, не понравилась пицца? – встревожился парень.

– Нет, не беспокойтесь.

– Пойдёмте, я вас провожу.

– Дядя Гурген, господин хочет поговорить с вами. Можно?

– Заходите, присаживайтесь. Что-то не так?

– Всё так, даже очень. Я хотел спросить про мальчика, что развозит пиццу. Кто он, почему этим занимается. Не бойтесь, я не по долгу службы, неофициально. Славный мальчишка.

– Артём его зовут. Он у меня не так давно, живёт недалеко, говорит, с прошлого года. Наверное, в том доме с зелёными лоджиями, его сдали два года назад, без отделки. Говорит, родители кредит взяли, чуть ли не до конца жизни. Вот всё, что я о нём знаю. Но ответственный мальчик, всё чётко.

– Понятно. Пицца у вас классная, буду заказывать и друзьям посоветую. Присылайте с Артёмом. Я тоже тут недалеко.

– Рад был познакомиться, заходите!

– Лучше домой. Всего доброго!

Сел в машину. Кредит, это хорошо. Но спешить не надо. Постепенно приручу, обучу, будет свой человек!

Пиццу заказал на пятницу, на девять вечера. Пусть к нему последнему.

Позвонила консьержка:

– Олег Сергеевич, пиццу заказывали?

– Заказывал, пропустите.

Вид у мальчика был усталый.

– Садись, Артём, отдохни. Может, составишь мне компанию? Пицца огромная.

– Нет, что вы, поздно уже.

– Но в следующий раз я тебя так не отпущу.

Прошёл месяц, пока он, исподволь расспрашивая мальчика, не заговорил напрямую:

– Ты куришь, Артём?

– Нет, не курю.

– И не пробовал? И друзья не курят? Поверить не могу.

– Да у меня особенно и друзей нет, приятели в классе.

– А девочка? Девочку водил в кафе?

– По мороженому. Но ей надоело мороженое. Теперь она по пицце, заказывала недавно.

– Отвёз?

– Нет, попросил дядю Гургена.

– Молодец, унижать себя не позволяй никому. Сколько тебе платит Гурген?

– Тридцать рублей за пиццу.

– Это же копейки! Хочешь нормально зарабатывать? Я тебе сто рублей за пиццу буду платить.

– Что за пицца такая, если мне сто рублей – сколько она будет стоить?

– Это не твоя забота. Тебе же нужны деньги, Гурген говорил. Ну, хочу я, чтобы ты с пиццей проверенным людям дозы развозил, экспресс-доставка! Никому в голову не придёт. Ни прятать, ни оглядываться – горячая пицца!

– Наркотики? – У Артёма широко раскрылись глаза.

– Наркотики, ну и что? Такой же товар, как всё, только стоит дороже. Дурят вам голову – белая смерть! Норму знать надо. Мало ли, можно и сосисками объесться и умереть.

Артём рассмеялся. Это хорошо, – подумал Олег и сел напротив мальчика.

– Понимаешь, мы ничего плохого не делаем. Никого не заставляем под пистолетом, колись, или нюхай. Каждый человек сам своей жизни хозяин. Вот змеи ядовитые, их же не уничтожают! Они сами по себе, мы сами по себе. Ты её не тронь, и она тебя не тронет.

Или гриб ядовитый, растёт себе. Хочешь попробовать, твоё право. Так и с наркотиками, знай меру. Ну, вот алкоголь, пьют все, но не все спиваются!

Если от меня ты пойдёшь в полицию, ничего не добьёшься. У меня здесь наркотиков нет. И я же не заставляю тебя! Попробуй, не понравится, откажешься, я не обижусь. А это самый простой способ заработать хорошие деньги, поверь. Морочат вам голову, наркоторговцы – преступники. Чушь! Никто никого не грабит, не убивает, не насилует. Хочешь, бери, не хочешь, как хочешь. Ну что, попробуем?

– А попробуем!

– Но язык надо будет держать за зубами. Сможешь?

– Не вопрос.

Олег помнил себя в этом возрасте, он был другим. Время было другое. Начало девяностых, бандитский Петербург...

В Москве стояла золотая осень. Юркие машинки собирали опадавшую листву с обочин, с тротуаров, с дорожек в скверах, и ездить по району на велосипеде, особенно с Олей по выходным, было одно удовольствие.

Её отчим, дядя Лёня, однажды дождался с ней Артёма на остановке. Посмотрел внимательно, познакомился и ушёл, успокоенный. Хороший мальчик. А что развозит пиццу, ну и что, зарабатывает деньги. Будет знать, что с неба они не падают. Исключения только подтверждают правило.

Они носились по осенним улицам, разговаривали, когда можно было ехать рядом. И просто радовались самому движению, последним солнечным дням перед осенней непогодой.

Ему на телефон приходил заказ на пиццу. Один. Остальные давал дядя Гурген на листке из тетради корявым почерком редко пишущего человека. Он развозил эти, с листка, и отпускал Олю:

– Езжай, я остальные пешком, на автобусе и на метро.

По адресу из телефона пиццу не заказывали. Там его ожидали коробки с магазинной пищей.

И новый список адресов, уже аккуратным чётким почерком. Бывали дни, когда адреса в телефоне не было, заказы старались сгруппировать на один день, чтобы ехать, так уж, не с одним – двумя. И были они в разных районах.

Он оставлял дома велосипед перед этим, особенным адресом. И ехал на автобусе к метро, кружил по городу. Деньги приходили на карточку, которую ему дал Олег, он снимал их в каком-нибудь банкомате в городе.

По его меркам, денег было слишком много, мама бы ни за что не поверила, что дядя Гурген столько платит ему.

Он перестал отдавать их маме, хотя было приятно видеть, как она радуется – не деньгам, а тому, что он их заработал.

К деньгам, как убедился Артём, мама относилась несерьёзно. Они всегда, с тех пор, как на кухне воцарился красивый, под дуб, гарнитур, лежали в маленьком ящичке наверху.

Ему никогда не приходило в голову взять оттуда хоть какую-то мелочь. Мама открывала ящичек, чтобы дать ему деньги на завтрак, положить свою зарплату или взять деньги на продукты в выходной, когда они закупались на всю неделю.

Сюда попадала и часть папиной зарплаты после уплаты процентов по кредиту. Сам кредит выплачивался с трудом, и папа переживал, если долго не было подработки:

– Мы так никогда из долговой ямы не выберемся.

В эту же стопку Артём начал подкладывать свои заработки. Он считал их вполне честными, законными и заслуженными.

Попробовал бы кто-нибудь потаскать по всему городу коробку с пиццей до позднего вечера!

Мама удивилась только в первый раз – получила зарплату, а деньги ещё не кончились. Такого не было давно. Но не стала выяснять, значит, отец материалы из пенсии покупал.

Наступила зима. Район позволял становиться на лыжи буквально у дома. И парк, и горки за городской чертой, и лес рукой подать. А после прогулки не заказывали пиццу, а заходили к дяде Гургену, оставляли лыжи в предбаннике, шумно рассаживались, и получали её с пылу, с жару. Дети требовали пепси – да, пожалуйста!

Гурген заметил, что Артём стал уставать. Не знал же, что после его заказов он ещё два-три часа ездит по городу с тяжёлой сумкой за плечами!

– Вот что, Артём, в воскресенье у тебя будет выходной. Я сам быстренько развезу заказы. Что-то выглядишь неважно.

И Артём спросил Олю:

– Ты катаешься на коньках?

– Нет, у нас не было близко катка. И коньков у меня нет.

– Коньки можно взять напрокат. Мы жили возле ВДНХ, там классный каток.

Он возил её за руку, поднимал, когда падала, и они смеялись вместе. А потом кормил в Торговом центре своей любимой солянкой, и когда она пробовала сама расплатиться, сказал:

– У меня есть деньги, мы же с тобой осенью заработали.

Дядя Лёня посмотрел на её покрасневшее лицо:

– Как я понимаю, к выходным тебе нужно купить коньки с ботинками в Спортмастере.

– Правда?!

– Правда.

## Глава 7

### Москва, 2010 г.

Тем временем в Престижном районе появилось ещё одно действующее лицо.

Так повелось, что любой назначенец приводит свою команду. Особенно отличались питерцы.

И Григорий Борисович Зеленский не был исключением.

Получив новый чин и назначение в Москву, в МВД, он взял с собой несколько человек, на которых мог положиться. Среди них был Денис Иванович Ковалёв, человек безупречной репутации, честный, порядочный, бесконечно преданный делу.

В Питере он занимался наркотиками. И Зеленский направил его в Отдел по контролю над оборотом наркотиков, год назад переехавший в прекрасное здание в новом Престижном районе Москвы.

Район был огромный, даже по московским меркам, и продолжал расти. Слишком там было тихо с наркотиками, тоже в масштабах Москвы. За прошлый год взяли только одного официанта в кафе. Несколько доз при нём, дома пусто. Не может быть, чтобы наркодельцы не стали с самого начала обживать район богатых людей и их избалованных чад.

В Отделе начальник, Василий Петрович Миронов, скрепя сердце, представил его на утренней планёрке:

– Господа офицеры, прошу любить и жаловать, у нас пополнение. В помощь из Питера – старший следователь, майор Денис Иванович Ковалёв.

Все посмотрели на него с нескрываемым любопытством. Коллектив сработался, все знали друг друга ещё по работе в старом здании, и в районных отделах полиции. И здесь, в новом, за год привыкли друг к другу. Сработались.

– Назаров, тебе придётся потесниться, поставим второй стол для нового сотрудника.

– Что ж, в тесноте, да не в обиде.

В большом, не обжитом до конца здании, можно было новичку и отдельный кабинет организовать. Но к новенькому хорошо бы присмотреться. Назаров – свой человек, доверенный и проверенный, пусть посидит рядышком.

А всё же странно, как постепенно сталкиваются люди, которые, казалось, не должны пересекаться! Будто Провидение собирает действующих лиц перед выходом на сцену Трагедии...

Артём уже примелькался в своём районе, был узнаваем даже без велосипеда и куртки, но с неизменным ярким коробом за спиной – «Гор-р-рячая пицца!».

Денис часто видел его из окна своего с Назаровым кабинета на втором этаже. Он шел по противоположной стороне.

Жил Денис на съёмной квартире. Управление давало такую возможность сотрудникам, пока они обоснуются, перевезут семью на постоянное жительство.

Квартира была в другом районе – автобус, метро, автобус и пешком через сквер до обычной панельной девятиэтажки. И вдруг в автобусе он увидел мальчика со знакомым коробом!

Темнело рано, за окном посвёркивала огнями ночная Москва. Что он делает, интересно, в чужом районе? Разве поблизости нет своей пиццерии?

За годы работы у него выработалась, вернее, обострилась интуиция, она была врождённая. Назавтра после работы зашёл к Гургену.

Визит полицейского, даже в безупречное заведение, событие не из приятных. Гургену дали знать немедленно, и он вышел в зал раньше, чем Денис успел расплатиться.

- Что вы, не надо, за счёт заведения! – заторопился он.
- Это исключено, – вежливо сказал Денис, – зашёл попробовать, коллеги хвалят. Коллеги заходили, особенно Назаров, и не отказывались – за счёт заведения.
- Я что хотел узнать. Вы только в нашем районе берёте заказы на доставку?
- Хватает своих. В других районах – кто мне позволит?
- Я так и думал, спасибо. А пицца у вас отменная.

В это время помощник Гургена вышел покурить. И через минуту Назаров знал, что незнакомый мент расплатился за пиццу и спрашивал Гургена про заказчиков.

И сразу же об этом знал Олег. Миронов с Назаровым были крышей. Значит, за Артёмом будет слежка.

Назавтра заказа в телефоне не было, и Артём вздохнул с облегчением. Он очень устал, а мама ничего не заметит. Зато от Гургена был заказ для Олега.

Артём всегда заходил к нему после всех других заказчиков.

– Засветились мы с тобой, брат. Доставка магазинной пиццы отменяется, дам другую работу. Ты был когда-нибудь в Питере?

– Я родился в Питере, и бабушка у меня там живёт.

– Это здорово! Адрес знаешь?

– Точно не помню...

– Письма пишет бабушка?

– Пишет, часто.

– Вложишь в этот конверт обратный адрес, адресат – абонементный ящик в Питере. Дойдёт.

Это было действительно здорово. Умельцы давно уже научились делать товар из вполне доступных элементов. Нельзя сказать, что не хуже натурального, но вполне пригодного качества. Не для элитных покупателей, для массовки.

И новая лаборатория, студенты, – завелась в Питере. С ценой договорились, только доставку просили взять на себя, ребят было только двое.

Олег всё продумал, надо только исключить вокзал с проверкой. Он отследил, в Москве на автобусных станциях проверка выборочная, автобусы из ближайшего зарубежья, с юга, из крупных городов. Из Питера не проверяли, но рисковать не стоило.

Надо ехать в Москву не из Питера, а с пересадкой в каком-нибудь маленьком городке. Там проверять не будут, и в Москве автобусом из глубинки не заинтересуются.

– В Питер поедешь «Красной стрелой» к бабушке. В почтовый ящик тебе бросят ключ от камеры хранения торгового центра. Пройдёшь, когда будет много людей.

Купи какие-то продукты, денег я тебе дам. Возьмёшь сумку, уложишь продукты и поедешь на автовокзал. В пакете – шпаргалка, какими автобусами, где пересадка. В Москве таксист будет в капитанской фуражке. Потом договоримся, какая следующая примета. Он высадит тебя у метро. Деньги на карточку, как всегда.

Всю зиму раз в две недели Артём ездил к бабушке.

Это было одно удовольствие – она радовалась, старалась приготовить что-то вкусненькое. И он валялся на диване с очередным детективом из бабушкиной нехитрой библиотеки.

Потом шёл в указанный торговый центр, покупал пепси, булочку, нарезку колбасы, мандарины. Всё это можно было съесть в автобусе на обратном пути. Деньги в мамину стопку клал не сразу, частями, когда она уменьшалась.

И всё было бы хорошо, но Денис тоже ездил в Питер. И тоже в пятницу вечером «Красной стрелой».

Семья ещё оставалась там, на старой квартире. Не решались срывать детей из школы посреди учебного года, и съёмная служебная была мала на четверых.

«Красная стрела» стала привычной, в ночь на субботу туда, в ночь на понедельник обратно.

В первый раз увидел Артёма, узнал, но внимания не обратил. Когда увидел в очереди у кассы второй и третий раз, насторожился. Обратно не встречал ни разу.

В Москве день потратил, просмотрел камеры на выходе из вокзала. Не было Артёма ни в воскресенье утром, ни в понедельник. Теперь он проверял записи каждую пятницу и отслеживал, когда возвращается Артём. Но он не возвращался!

Просмотрел камеры автовокзала.

– Что ты изучаешь, Денис? Что это за толпа?

– Ленинградский вокзал. Похоже, наш развозчик пиццы переквалифицировался в наркокурьера. Завтра в Питере глаз с него не спущу!

Назаров постоял за спиной Дениса. На экране компьютера на перрон один за другим шли к поезду люди.

– Это когда?

– Две недели назад, в прошлый раз. Вот он. А обратно автобусом. Встретим на станции.

Назаров ещё постоял для порядка и вышел из кабинета.

Звонок раздался ночью, в вагоне:

– Артём, слушай внимательно. Тебя засекли. Пакет надо забрать до закрытия магазина, иначе ячейку вскроют. Можешь вызвать какого-нибудь парня, который умеет держать язык за зубами? Приехать утром в воскресенье, забрать у тебя ключ с инструкцией, и автобусами в Москву.

– Я не знаю, нет такого парня. Но придумаю что-нибудь.

С минуту он лежал на верхней полке с телефоном, зажатым в кулаке. Страх окутал его тело плотной сетью, забирался всё глубже и глубже, пока не сжал сердце.

Его засекли. Поймают, посадят в тюрьму! Не об этом сейчас, не об этом. Кому можно доверить такое опасное дело? Только Оле!

Пошёл в туалет и перезвонил дяде Олегу. Парня нет, есть девочка.

Ей позвонил днём в субботу, когда бабушка ушла в магазин за свежими булочками.

– Оля, только ты можешь меня спасти! Вопрос жизни и смерти. Сможешь приехать в Питер завтра «Красной стрелой»? Скажи дома, что едешь на экскурсию. Запиши адрес и как ехать.

– Какая экскурсия! Дядя Лёня пошёл бы меня провожать. Но я приеду обязательно.

Придумывать пришлось на ходу.

– Кто звонил? – спросила мама.

– Даша, приглашает на день рождения. Сегодня, в шесть часов, с ночёвкой. Можно?

– Там будут взрослые? Не нравится мне эта Даша. С чего бы звать тебя на день рождения? Не такие вы подруги. Но отказываться неудобно, выбери красивую книгу в магазине.

Вообще-то всё получилось потому, что маме было не до неё. В доме главным был маленький братик, месяц от роду.

Ушла из дому в пять, бродила по Москве и думала, что могло случиться с Артёмом, если это вопрос жизни и смерти? Поехал к бабушке. Если что-то с ней, должен звонить родителям. Но вопрос жизни и смерти...

Артём с самого раннего утра поглядывал в окно. Дорожка к подъезду была видна от ворот. И когда в конце её показалась Оля, вздохнул облегчённо, теперь всё будет хорошо!

Он был очень напуган. Всё, что делал до этого, казалось игрой, замечательным приключением, за которое ещё и деньги платят. А оказывается...

- Бабуля, я пойду, погуляю?
- Иди, конечно, что ты всё дома и дома.
- Встретил Олю на входе в подъезд.
- Давай в лифт, поедем наверх.

Они сидели на железных ступеньках лестницы на чердак.

– Ты будешь меня презирать. Я перевожу, вернее, перевозил наркотики. Но меня как-то выследили или вычислили. И уже в поезде была команда – срочно сменить курьера. А товар в камере хранения супермаркета. Если после закрытия ячейка окажется запертой, её вскроют, понимаешь?

Надо вынуть пакет, когда там будет полно народу, и никому в голову не придёт, что в этом пакете. Ты меня презираешь?

– Глупости. Ты правильно сделал, что мне позвонил.

– Я же не бандит, не грабитель, просто видеть не могу, как взрослые тянутся с этой стройкой. Сейчас достраивают мою комнату, спешат к учебному году.

– Скажи, что я должна делать. Где этот супермаркет, и что дальше.

– Дальше в пакете будет инструкция, каким автобусом ехать, не прямо в Москву, с пересадкой. Ты приедешь из области. Я уже не раз так ездил, эти автобусы не проверяют.

На автовокзале полно таксистов. У твоего будет кепка в клеточку. Он возьмёт пакет, сядешь с ним в машину. Высадит у метро и всё, едешь домой.

Я приеду «Красной стрелой», встретимся в школе, как ни в чём не бывало. Это один раз, потом они решат вопрос. Моя миссия на этом закончена, к сожалению. Мама так радовалась, что деньги до зарплаты не кончаются, а две из трёх стен в моей комнате готовы.

Папа говорит, мальчику нужно место, где он может быть наедине с самим собой. Подумать, почитать, послушать музыку. Так формируется личность. У меня, наверное, не сформировалась. Я здорово испугался, что меня поймают и посадят. Значит, не сформировалась, как ты считаешь?

– Не знаю. Я бы тоже испугалась, значит, и у меня не сформировалась личность.

– На автобусную остановку приходи к самому отправлению, погуляй где-нибудь в скверике. Держись подальше от собак, они могут почувствовать. Хотя, не знаю – может, чувствуют только те, которых научили? Ну, ни пуха тебе, ни пера. Я знал, что на тебя можно положиться.

Денис ещё в пятницу позвонил бывшим сотрудникам:

– Приедет мальчик, фото высылаю. Глаз с него не спускать. Должен где-то переночевать, в воскресенье утром или днём забрать товар и автобусом вернуться в Москву. Здесь я его встречу с полицией и собакой. Это очень важно, товар идёт от вас. Убьём сразу двух зайцев, и московских и питерских. И, может, ухватим за ниточку, мне бы хоть самый кончик.

Артёма встретили на вокзале, доехали за ним до бабушкиного дома. Он не заметил слезку, хотя старался оглядываться незаметно. Машина с полицейскими припарковалась в углу двора среди других. Днём их было немного, чужая никому не помешала.

Он вошёл в подъезд и больше не выходил. Двери в доме не закрывались. Выходили мамы и бабушки с колясками, женщины шли с пустыми сумками из подъезда и с полными возвращались обратно.

И, главное, туда и сюда сновали мальчишки и девчонки, просто в глазах рябило, но Артёма среди них не было. На беленькую девочку они внимания не обратили – ни когда вошла, ни когда выходила.

Пока у неё за плечами был только маленький пустой рюкзачок, страха почти не было. Боялась только заблудиться в чужом городе, и не найти этот «Перекрёсток», здесь их, наверно,

сотни. Но точный адрес был – улица, номер дома, станция метро недалеко от автовокзала. Обратно в метро ходить не придётся.

Супермаркет был переполнен. Она прошла по рядам. Что купить? Когда увидела целый отсек с нарезками, почувствовала, как хочет есть. Йогурт в бутылочке, булочку, нарезку.

Пятая ячейка, от которой у неё был ключ, заперта. Достала целлофановый пакет этого же супермаркета, в нём был другой, в плотной упаковке. Кинула туда свои покупки, медленно и независимо вышла на улицу. Только сердце стучало, как сумасшедшее.

В автобусе успокоилась, поела. Ничего страшного, ещё несколько часов, и этот кошмар останется позади.

Ну, Артём! Каким же надо быть смелым, чтобы проделывать это не один раз! И деньги не себе, а маме. Нет, он самый-самый лучший мальчик на свете.

Пересадку пришлось ждать полчаса. Незнакомый городок, она его так и не увидела. Площадка для автобусов, железная пристройка с кассами и двумя крошечными закусками на ширину скамейки. А людей много, и всем нужно в Москву.

Автобус шёл больше часа. Она вдруг заснула неожиданно для себя – защитная реакция организма на ужас, который переполнял всё её существо. Хотя она успокаивала себя – ещё немного, ещё чуть-чуть...

А вот и Москва, и автобус долго идёт по шоссе мимо гигантских домов-новостроек.

Денис позвонил своим:

– Что у вас, взял мальчишка товар? Как это не выходил! Вы его проворонили. Снимайте наблюдение, он уже в автобусе.

– Он не выходил!

– Спасибо, я поехал его встречать.

Всё пошло не так с самого начала. Проводника с собакой пришлось ждать. Потом, уже в метро...

Ну как в нашей жизни можно что-то планировать!

Подошли к турникету. Полицейский проверял документы у худенького таджика. И вдруг тот сорвался, перепрыгнул через турникет и побежал вниз по эскалатору.

Собака вырвала поводок и прыгнула следом. Пока привели его в участок, пока сдали... опаздывали к автобусу из Питера серьёзно.

По идее, можно было уже и не ехать, он давно выпустил своих пассажиров и стоял, весь в пыли, без шофёра. Но напротив неспешно разгружался другой. Шофёр стоял у багажного люка, люди выходили один за другим.

Вдруг собака рванулась, потянула поводок и стала в стойку рядом с беленькой девочкой с пакетом из супермаркета.

– Так. Что тут у тебя?

– Не знаю. Это не моё.

– Ясно. Понятые, будьте добры, подойдите. Смотрим содержимое. Составляем акт. В машину её! Да осторожней, ребёнок же, не мужик! Куда она денется.

Действительно, никуда.

## Глава 8

### Москва, 2011 г.

Денис привёл Олю в свой кабинет.

– Ну, рассказывай, где взяла, кто дал, кому везёшь.

– Не знаю.

Назаров был тут как тут.

– Ты что делаешь, Денис? Её можно допрашивать только при родителях или при учительнице, в крайнем случае.

– Говори домашний телефон. Быстро!

В доме царил паника. Заявление о пропаже девочки у Леонида не взяли – надо подождать три дня. Аня сходила с ума. Он хотел дозвониться хоть кому-нибудь! Телефоны одноклассников можно было узнать только в школе. Но воскресенье же! Пошёл к Гургену.

– Нет, Артём сегодня не приходил. Я давно стал отпускать его по выходным, развожу сам. А что случилось?

– Девочка у нас пропала со вчерашнего дня. А я, кроме Артёма, не знаю никого из её друзей. И его телефона не знаю.

– Я дам его телефон.

У него дрожали руки. «Телефон абонента выключен или находится»... больше звонить было некому.

Аня не находила себе места.

– Лёня, нельзя же просто сидеть и ждать!

– Я позвонил в службу спасения, её нет ни в больницах, ни в моргах. И никаких происшествий с девочками.

– Её просто ещё не нашли, – плакала Аня.

Только в конце дня раздался звонок из полиции. Он взял трубку.

– У вас? Я сейчас приеду. Какой адрес, какое метро? Это же наш район!

– Нашлась?!

– Нашлась.

– Я поеду с тобой.

– Не надо, я сам. Живая! Привезу, всё узнаем, как и что.

Влетел в здание на главном проспекте района.

– Мне к Денису Ивановичу, у него моя девочка.

– Ваша? Проходите, двести второй кабинет.

Первое, что он увидел – отчаянные Олины глаза.

– Спасибо, что пришли. В вашем присутствии начинаем допрос вашей... дочери?

– Да.

– Паспорт, пожалуйста. Почему другое отчество?

– Я её удочерил.

– Понятно. Она задержана за перевозку наркотиков.

– Оля, не бойся. Будет лучший адвокат. И ты имеешь право ничего не говорить.

– Спасибо, дядя Лёня!

– Спасибо, дядя Лёня. Я бы это ей и сам сказал. Будешь говорить? Если скажешь всё, что знаешь, это облегчит твою участь. Но можешь и не говорить. Имеешь право.

– Спасибо. Но я, правда, ничего не знаю.

– Так и запишем.

– Я могу забрать её под подписку о невыезде и под свою личную ответственность?

– Нет. Мера пресечения вынесет суд в понедельник. Но не думаю, что её отпустят домой. Перевозка наркотиков серьёзное преступление.

Назаров вмешался:

– Она же ребёнок!

– Этот ребёнок работает курьером. Или подменяет курьера, которого я выследил и почти поймал. Ты мне мешаешь, Витя. Почему ты сегодня на работе?

– Дежурство у меня. Сергей попросил его заменить.

– Вы можете быть свободны, Леонид Павлович. Ольга пока побудет в Изоляторе временного содержания.

– Можно принести ей поесть?

– Пожалуйста, передадут. Запишите адрес.

– Дежурный! К вам сейчас привезут девочку. Принесут поесть, покормить, конечно. Но никого к ней не пускать. Никого.

– Так точно.

Всю дорогу домой думал, как сказать Ане. Ничего путного так и не придумал.

– Аня, ты только не пугайся. Она жива, здорова, правда, перепугана очень. Её задержали с наркотиками.

– Что?! Лучше бы осталась с бабушкой. Это всё Москва!

– Я уверен, всё разъяснится. В любом случае, будет лучший адвокат. Она голодная, разрешили принести поесть.

– Я сама отнесу, подогрею только, я быстро!

Молоденький дежурный сказал:

– Давайте еду, я передам.

– Можно, я сама её покормлю?

– Пускать к ней никого не велено.

Она села на скамейку, не выпуская сумку из рук. На лице было такое отчаянье, что дежурный не выдержал;

– Ну, что вы, в самом деле. Вы ей мама?

– Ну да.

– Идёмте, про маму он, вроде, ничего не говорил. Но только покормить!

Маму Оля не ожидала. Не могла смотреть ей в глаза.

– Ешь, ешь! Скажешь, что произошло?

– Ты же не хочешь, чтобы я тебе врал. Когда-нибудь расскажу, но не сейчас. Дядя Лёня сказал, что я имею право ничего не говорить.

– Он скажет! Чистосердечное признание учтут в суде.

– Мама, не надо...

– Хорошо, хорошо!

Утром Артём пришёл в школу раньше обычного. Оли не было. Её не было, и когда прозвенел звонок, и в класс вошла директриса:

– Ребята, у нас чрезвычайное происшествие. Оля Токарева арестована, она работала наркокурьером. Это невозможно себе представить, с виду тихая, скромная, из прекрасной семьи. Такой позор, пятно на репутации школы! И отказывается давать показания. Если кто-то из вас может помочь следствию, зайдите ко мне на перемене. Может, видели, как она общается с кем-то из взрослых вне школы? Это очень важно!

Артём не мог прийти в себя. Оля в полиции! Где она могла проколоться? И всё из-за него! Нет, надо идти сдаваться. Но сначала поставить в известность дядю Олега. Позвонил по секретному телефону:

– Дядя Олег, закажите пиццу!

– На пять часов, устроит?

– Да.

И прямо от двери:

– Оля... девочка, которая пошла вместо меня, в полицию.

– Я знаю, крыша донесла. Они должны были встречать автобус из Питера, опоздали, приехали как раз к этому. С собакой. Ну, что ж, риск есть всегда.

– Я был готов рисковать, но Оля... она же, меня спасала! Я хочу пойти в полицию и сознаться.

– Этим ты её не выручишь. Её взяли с товаром, составлен акт. Только сядешь вместе с ней.

– Что же делать?

– По законам жанра я должен тебя спрятать так, чтобы не нашли. А если найдут, ты уже ничего сказать не мог.

– Вы сделаете это? – спросил испуганно.

– Нет, конечно. Только мы с тобой должны всё основательно продумать. Так. Ты идёшь в полицию. Говоришь дежурному, что хочешь – явку с повинной. Тебя ведут к следователю. Учти, это очень умный и дотошный человек. В своё время он посадил меня на шесть лет, я был курьером. С ним надо быть предельно осторожным, ни одного лишнего слова.

Скажешь, готов давать показания, если Олю отпустят, и при тебе уничтожат акт. Он – это невозможно. А ты, что за одно преступление нельзя судить двоих. Или – или.

Я думаю, он понимает, Оля человек случайный, никакой от неё пользы следствию. А тебя можно раскрутить. Но ведь он ошибается?

– Ошибается, конечно.

– Всё – через почтовый ящик. Ключи от ячейки в супермаркете, инструкция. Встречает таксист, каждый раз новый. Довозит до метро. Всё. Никаких телефонов, никого в глаза не видел.

И, дяденька, не буду больше никогда в жизни.

– Можно, когда меня арестуют, увидеться с Олей? Мне очень важно сказать ей, что я её не подставлял.

– Я тебе дам адвоката, лучшего в Москве. Попросишь, он организует. Скажешь, семье нужны были деньги, попробовал развезти пиццу, но это копейки. Скорей всего, тебя отправят в спецшколу для несовершеннолетних, хотя я всё сделаю, чтобы этого не случилось. Если бы дело вёл кто-то другой! С этим, боюсь, ничего не получится. Но буду бороться до последнего. А ты держись. Всё, я думаю, мы больше не увидимся. Иди.

Артём подумал, что сказать – пока? До свиданья? – но только кивнул и вышел.

Помедлил у своего подъезда. Предупредить родителей? Что он им скажет? Да его просто запрут! Нет, пусть узнают, когда он будет уже там. И быстро пошёл в полицию. Было недалеко, решимости у него хватило.

Дежурный спросил:

– Что тебе, мальчик?

– Я пришёл с повинной.

– Да? Что же ты натворил?

– Перевозил наркотики.

Дежурный изменился в лице:

– Подожди, подожди-ка. Сейчас я позвоню, кому надо.

– Денис Иванович, тут парень пришёл с повинной. Прислать его к вам?

– С сопровождением. Глаз не спускать! Ах, молодец! Рыцарь!

Его привезли. Ещё не было страшно, страшно станет потом.

– Ну, здравствуй, Горячая пицца!

– Артём Широков. Больше я ничего говорить не стану, пока вы не отпустите Олю.

– Как я могу её отпустить! Её взяли с наркотиками, большое количество, акт, свидетели.

– Вы же знаете, Оля человек случайный. Я должен был взять товар и привезти в Москву.

Для вашего дела она человек совершенно бесполезный, а я могу пригодиться.

– Молодец, что пришёл, не струсил. Я должен согласовать этот вопрос с начальством.

Посиди у меня в кабинете. Запирать я тебя не стану, сам пришёл, что теперь.

Минуты текли мучительно. То, что он уже не выйдет отсюда, было ясно. Только бы Олю отпустили, только бы Олю...

Денис вернулся с актом.

– Решили написать, произошла ошибка. Задержали не того человека.

– Олю отпускаете?

– Да.

– Отпустите сейчас.

– Ты здесь кто? Подозреваемый. Виновность твою определит суд. Но диктовать мне, что делать, не в твоей компетенции. Я позвоню её отчиму и вручу ему девочку. Но сначала составим новый акт.

Акт был составлен. Денис позвонил в изолятор временного содержания:

– Майор Куликов. Ольгу Токареву отпустить, за ней отец приедет.

– Есть.

И следующий звонок:

– Леонид Павлович, можете забрать свою девочку. Ошибочка вышла. Адрес вы знаете.

Всего доброго.

– Спасибо, я знал... – Но Денис уже повесил трубку.

Дядя Лёня примчался через пять минут. Расписался. За что расписался, не важно, главное, мог взять Олю за руку и повести домой.

– Я всё понял, ты ему помогала. Пыталась помочь, но не получилось. Ты держалась молодцом, я горжусь тобой.

– Правда?

– Правда. Только мы с мамой чуть с ума не сошли.

– Простите меня, но Артём сказал, вопрос жизни и смерти.

– Я понимаю. Мама уже знает, что тебя отпустили. Плакала от счастья...

Денис сел за стол.

– Так. Допрашивать тебя без родителей я не имею права. Нарушать закон ты можешь сам по себе. А отвечать, видите ли, только в присутствии родителей. Дома есть кто-нибудь?

– Нет, все на работе.

– Кому будем звонить, отцу или матери?

– Маме... лучше не надо. Давайте отцу.

– Сейчас думаешь о матери. Раньше надо было думать, давай телефон отца. Как его зовут?

– Борис Александрович. Вот телефон.

– Борис Александрович, добрый день. Майор Куликов, Отдел по контролю за оборотом наркотиков. Можете подъехать прямо сейчас? Запишите адрес.

– Я знаю, где вы находитесь. А в чём дело?

– Ваш сын пришёл к нам, явка с повинной. Перевозка наркотиков.

– Это какая-то чудовищная ошибка. Быть не может! Он кого-то выгораживает, или его заставили. Он на себя наговаривает!

– Я могу допросить его только в вашем присутствии. Приезжайте и выясним всё при вас.

Артём взглянул на отца и опустил голову. На это он точно не подписывался.

– Присядьте, Борис Александрович. В вашем присутствии начинаем допрос вашего сына. Как тебя зовут?

– Артём...

– Отчество?

– Борисович.

– Фамилия?

– Широков. Адрес?

– Улица Космонавтов, дом семнадцать, квартира триста двадцать восемь.

– Учишься, работаешь?

– Учусь. Седьмой класс «Б», школа тысяча двадцать четыре.

– Кто родители?

– Мама врач в районной поликлинике. Папа – архитектор, руководитель мастерской. Этот район, между прочим, он проектировал. С нуля.

– Прекрасные у тебя родители, отличные у них профессии. В кого же ты такой уродился?

– Какой – такой? Оскорблять меня вы не имеете права. Родители у меня, действительно, прекрасные, но денег у них нет. Живём второй год, фактически, на стройке и выплачиваем проценты по ипотеке. До самой – не доходит пока.

И что я такого сделал ужасного? Убил кого-нибудь, ограбил, покалечил? Это вы такие законы придумали, которых нельзя не нарушать. Белая смерть, белая смерть! Её на Западе в аптеках продают!

Отец из-за толстых стёкол очков смотрел то на Артёма, то на Дениса. И такое отчаянье было в его глазах, что они старались не встречаться с ним взглядом.

Артём продолжал защищаться – перед отцом? Перед Денисом?

А Денис нетерпеливо постукивал карандашом по столу.

– Есть спрос, есть и предложение. Каждый сам решает, что ему нужно и сколько. И сам решает, жить ему, или умирать. Если по-вашему, надо все кустарники с ядовитыми ягодами вырубить, и грибы ядовитые уничтожить, и змей...

– Я уже слышал эту ахинею, правда, давно. Кто это тебе вбил в голову? С чужого голоса поёшь!

– Ничего подобного! У меня своя голова на плечах. Вы меня выследили, ваша взяла. Надо уметь проигрывать.

– Это я тоже слышал. Гнилая психология. Надо уметь побеждать, стремиться к победе, честной, не любой ценой! А благородные жулики, это сказка. Как только попадают сюда, чтобы свою шкуру спасти, продадут мать и отца, можешь мне поверить. Я больше двадцати лет на этой работе.

Ты обещал чистосердечное признание, давай, чистосердечное. Кто завербовал, кто руководил, давал поручения.

– Во-первых, я обещал только явку с повинной. Я и признал свою вину. И вы только что смеялись над благородными жуликами. Пообещайте ещё, что меня не посадят, если я сдам всех, кого знаю. А я и не знаю никого. Предложение – в почтовом ящике. И задания там же. Я сам хожу за почтой, родители с утра, в мыле, на работу. Им некогда заглядывать в почтовый ящик.

– А деньги?

– На карточку.

– А с карточки куда?

– В общую стопку. Туда мамина зарплата, папины подработки – зарплата идёт на ипотеку. Дедушка не кладёт деньги, он их тратит на материалы. Пока пенсия не кончается, прямо из дома на строительный рынок, потом к нам. А когда кончается, заезжает за деньгами.

Всё идёт на стройку. За два года сантехника и кухня. Сейчас мне комнату сооружают, стены выкладывают. Папа говорит, придёт опека, ну, в школе подерусь, или ещё что-нибудь. Ах, у ребёнка нет своей комнаты! Уроки делает в кухне на столе! В детдом его, в нормальные условия!

Знаем мы эти нормальные условия, в моей старой школе были ребята из детдома. Мама сказала, какой ужас! Сначала комнату мальчику, остальное подождёт!

– Ты меня не разжалобишь. Я вырос в коммуналке, двенадцать семей. Какие уроки на кухне! В туалет очередь. А ты, бедненький, без своей комнаты! Ты преступник. А преступник должен сидеть в тюрьме, даже малолетний. Есть, для малолетних. С тобой всё ясно. Хотя, что пришёл сам, чтобы Олю не посадили, молодец, уважаю. И родителей твоих уважаю. И жалко их, они всё для тебя, а ты преступник.

Спасибо, Борис Александрович. Артёма задерживаем Суд вынесет ему меру пресечения, но я не думаю, что его выпустят до суда. Перевоз наркотиков – тяжкое преступление.

Отец молча смотрел на Артёма, будто видел его впервые. Потом вышел, не попрощавшись ни с ним, ни с Денисом.

Денис нажал кнопку:

– Увести!

Позвонил в Следственный изолятор:

– Ковалёв говорит, из Отдела по контролю над оборотом наркотиков. Сейчас к вам мальчика привезут. Поместите в одиночку, пожалуйста, нечего ему делать с мужиками.

– Понятно, но нет пока свободных. Только карцер.

– Ну, пусть карцер, но не надолго, он ребёнок же!

– Сделаем, Денис Иванович, я понимаю.

## Глава 9

### Москва, 2011 г.

Коридор был длинный, с поворотами, и сопровождающий командовал:

– Направо... налево... лицом к стене. Заходи!

Открыл тяжёлую дверь, и Артём оказался в тесной камере без окна, с тусклой лампочкой под потолком. Дверь захлопнулась. И вся его бравада словно осталась за дверью. Ему хотелось кричать:

– Выпустите меня! Я на это не подписывался!

Сжал зубы. Сел на узкий топчан с одеялом неопределённого цвета, взялся за край обеими руками, крепко, так, что пальцы побелели. И расплакался.

Старался плакать тихо, будто кто-то мог услышать его сквозь железную дверь и стены. Потом лёг и уткнулся в подушку. И заснул, незаметно для себя.

Дверь лязгнула, он проснулся. Ему принесли еду – обед? Ужин? Завтрак? Он буквально выпал из времени! Стало очень страшно. Тот же всепоглощающий страх, как тогда, в поезде, после звонка дяди Олега.

Поел, не чувствуя вкуса. Неужели это всё с ним? Было же так хорошо, не страшно, весело. Увлечательная игра, за которую ещё и деньги платили!

Олег позвонил адвокату. Он давно не звонил ему, слишком всё было спокойно последние годы, слишком, как перед бурей. Узнают ли друг друга?

– Алексей, машина чёрная, справа от входа. Дверцу приоткрою. Найдёте?

– Конечно, Олег Сергеевич, какие проблемы!

Олег его узнал по вальяжной походке и безукоризненному костюму. Проседь появилась, но только придавала солидности. Лицо замкнутое, и дежурная улыбка на подходе.

Олег уже приготовился открыть дверцу, но застыл. За адвокатом бежала женщина. Немолодая, одета явно не из модных бутиков. И стрижка эконом-класса. Но что-то неуловимо знакомое в лице, в походке, в жесте, которым поправила волосы. И глаза, когда она была уже близко. Господи, да это же Люся! Быть не может!

Она нагнала адвоката почти у самой машины Олега:

– Извините, я мама Артёма.

– Подождите минут пять, у меня ещё одна встреча. И тоже по поводу Артёма. Посидите там, в скверике на углу. Я не долго!

– Хорошо, конечно. Я просто не знаю, что делать!

– Мы это обсудим. Простите.

Олег потрясённо смотрел ей вслед. Она шла, понурившись, низко опустив голову. Это было даже не отчаянье – безысходность, когда у человека в жизни всё кончено.

Люся, Господи! И Артём её сын, тот, что лежал тогда в коляске в красивом костюмчике. Ну и кульбиты выдаёт Судьба, нарочно не придумаешь.

Он оставил её, чтобы не омрачать жизнь своими проблемами. И что – Артём! Ну, не мог же он знать, даже вообразить не мог! Как теперь жить, как вытащить мальчишку из капкана, в который он попал с его, Олега, подачи, с его помощью!

Разговор с адвокатом был короче воробьиного носа. Тот назвал сумму, не маленькую, если не посадят. Чуть меньше, если всё же посадят, но не на максимальный срок. И ещё чуть меньше, если, несмотря на все его усилия, Артём получит максимальный срок, полагающийся по статье.

– О-кей. Я на вас надеюсь.

– Приложу все усилия.

Он гнал машину, не видя дороги, и только Ангел-хранитель с дядей Сомом, который, конечно же, приглядывал за ним Оттуда, уберегли от аварии.

Значит, это про Люсю Артём говорил – она никогда не знает, сколько денег в ящике. И звонит своим больным, сидя на раскладушке в нарисованной спальне, на цементном полу.

И её муж – тот самый студент архитектурного. И он, в своём нарисованном кабинете, на вертикальной доске с переносной лампой, корпит над очередным левым проектом, чтобы заказать кирпич или смесь для штукатурки.

Он бы ей... он бы выстроил загородный дом! Нанял прислугу! Купил частную клинику, если бы не захотела сидеть дома! Но это сейчас. А тогда его заперли в тюрьме.

Надо вытащить Артёма любой ценой. Если бы не Денис, его адвокат был мастер на нестандартные решения. Но с Денисом этот номер не пройдёт.

И выплатить эту чёртову ипотеку. Хоть это! Поручить адвокату, придумать фонд, зарегистрировать и выплатить через него.

И закрыть немедленно. Это он сделает после суда, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Как он мог отдать Люсю этому лузеру, неудачнику, который держит её на раскладушке в нарисованной спальне! Как он мог!

А Люся робко выспрашивала у адвоката, что грозит её мальчику. Есть какая-нибудь надежда? И можно ли увидеться с ним?

– Вы не представляете, он такой домашний, и вдруг тюрьма, ни за что ни про что! Я убеждена, его заставили. Или обманули. Он сам не мог, понимаете?

И адвокат с профессиональным терпением убеждал её, что сделает всё возможное, чтобы вытащить Артёма. И постарается добиться свидания. Но буквально взмок, пока смог оторваться от её глаз, полных отчаянья и надежды.

– Я сейчас как раз иду к Артёму, простите.

– Правда?! Я подожду вас, можно? Вы мне расскажете, как он там.

Пока ждала, подошла к окошку, где принимали передачи.

– Раз в неделю. Сигареты и спиртное не передавать.

– Я поняла. Только раз в неделю!

Опять лязгнула дверь камеры. Артём вздрогнул.

– Собирайся.

– Меня отпускают?

– Ещё чего захотел! Свидание.

Бесконечный коридор. Дневного света нет, но хорошо освещённый, словно в подземелье. И, наконец, обыкновенная комната с окном. И за ним – солнечный день!

Он вздохнул прерывисто и огляделся. Стол посередине, две скамейки по обе стороны, и незнакомый человек смотрит на него внимательно.

– Здравствуй, Артём, садись. Я твой адвокат, меня зовут Алексей Николаевич. Что ты перепуганный такой?

– Да, это я с непривычки.

– Дай Бог, чтобы она у тебя не выработалась, эта дурная привычка, – засмеялся адвокат.

И Артём рассмеялся. Отпустило.

– Что со мной будет, вообще?

– Вопрос некорректный, опять пошутил адвокат, – как выстроишь свою жизнь. Не станешь влипать в сомнительные истории, всё будет хорошо. А ближайшее время тебе ничего хорошего не сулит. Но и ничего особо страшного тоже.

Не убьют же тебя! И на пожизненное не тянешь, и на большой срок тоже. Самый, подчёркиваю, самый тяжёлый вариант – три года спецшколы для несовершеннолетних. Люди живут везде.

И учиться сможешь. В общем, переносимо. Неприятно, конечно, но не смертельно. Будем стараться уменьшить срок. Перед судом всё обговорим подробно. На сделку со следствием ты не идёшь, – почему-то не спросил, а сам ответил за Артёма.

– Из школы возьмём характеристику, родители у тебя нормальные. Ты же пошёл на это, чтобы им помогать, так?

И не дожидаясь ответа:

– Какие пожелания сейчас у тебя?

– Камеру с окном. И свидание с Олей Токаревой.

– Мама очень хочет тебя видеть.

– И с мамой тоже. Но Оле я должен объяснить...

– Объяснишь, обещаю. Не падай духом. Главное, держись. Соберись, настройся – пережить, перетерпеть.

Адвокат замолчал. И с удивлением обнаружил, что ни с кем из своих подзащитных он так не разговаривал. Но отчаянье уходило с лица мальчика. Он стал серьёзней и взрослей. И поверил своему адвокату! Это главное.

– Свидание окончено.

Люся бросилась к адвокату, как только он вышел из дверей:

– Вы его видели, как он?

– Знаете, нормально. Не плачет, не жалуется. Вам надо набраться терпения...

– Я его увижу, мне разрешат?

– Я займусь этим, обещаю вам.

Назавтра она пришла к окошку, где принимали передачи, до работы. Но перед ней уже стояла девочка, ждала, когда откроется.

– Кто у тебя там?

– Друг.

– Ты такая маленькая, а у тебя уже друг преступник.

– Он не преступник. Разве вы не знаете, преступник, это когда суд постановил. А его ещё, может, оправдают. – И отдала свой пакет.

– Там написано, Артёму Широкову.

– И я Артёму Широкову, – заволновалась Люся.

– Две передачи нельзя.

– Что же делать?

– А вы вложите в мой пакет! – предложила девочка.

И отошли вместе.

– Вы мама Артёма. Я Оля.

– Я поняла уже, это он вместо тебя сидит.

– Нет, это я вместо него сидела. Он попросил меня... заменить его на одну поездку. Я всё сделала, как он сказал, но на станции была собака.

Люся слушала и не верила своим ушам. Заменить на одну поездку. Значит, была не одна? Выходит, она ничего не знает про собственного сына! А ведь была уверена, что он сидит, выручая девочку.

– И давно он этим занимался?

– Мы не успели поговорить. А свидания мне ещё не дали.

– Что же будет...

– Вы говорили с адвокатом, я видела. А я постеснялась. Что он вам сказал?

– Сказал, что будет бороться за Артёма. Хороший мальчик, и явка с повинной. Не понимаю, зачем ему нужны были эти бандитские деньги! Он что, дорогие подарки тебе покупал?

– Что вы такое говорите! Какие подарки? Ну, мороженое, когда мы вместе пиццу развозим. Говорил, я же сторожу его велосипед! А деньги вам отдавал, тайком. И смеялся, что вы их считать не умеете.

– Правда? – удивилась Люся. Деньги считать она просто не успевала, они уходили раньше. Отец Бориса, когда свои у него кончались, заезжал по дороге на строительный рынок. Материала требовалось несметное количество!

Она схватила за сердце. Её мальчик золотой!

– Вам плохо? Вызвать скорую?

– Иди, в школу опоздаешь.

– Уже опоздала. Давайте, провожу вас домой.

– Мне в поликлинику, на работу. Ты лучше скажи, у вас с Артёмом далеко зашло?

– Что? – она покраснела, – нет, мы просто друзья.

Артём просил свидания с Олей. Надо же было ей объяснить, что произошла накладка, он и не думал её подставлять! Это стечение обстоятельств. Всё ведь схвачено, за всё заплачено. Откуда собака в это время!

Но Денис разрешил раньше с мамой. Он не мог смотреть на её измученное лицо с несчастными глазами. Пусть увидит своё сокровище, убедится, никто его не трогает, не выбивает показания, как рисует её воображение. Пусть поговорят. Может, выскочит что-то полезное ненароком.

С Олей – потом. Он очень надеялся, что Артём проговорится, какой-нибудь намёк, ниточка, хотя бы кончик! А уж он ухватится, не упустит.

Мама сидела напротив Артёма и плакала. Слезы текли по щекам, она их не вытирала, руки беспомощно лежали на столе. Оба молчали, просто смотрели друг на друга.

Первым заговорил Артём:

– Мам, это надо пережить. И мне, и вам. Ну, проиграл я. Надо уметь проигрывать.

– Жизнь не игра.

– Знаешь, если её принимать всерьёз, можно сойти с ума.

– Артём, родной, что ты такое говоришь? Я тебя не узнаю. Впрочем, наверно, и не знаю совсем. Отношусь к тебе, как к маленькому, а ты деньги подкладывал, пытался нам помочь.

– Откуда ты знаешь?

– Оля сказала. Зачем ты, мы справимся, ну, чуть больше времени уйдёт.

– Чуть! Уже домой заходить не могу, я хоть на кухне живу, а вы – нарисовали себе счастливое будущее на цементе! Спите на раскладушках.

– Ну и что? А сейчас мы вовсе не спим.

– Я же не рисковал, это было не трудно и безопасно, ты понимаешь, почему.

– Не понимаю.

– Это сбой программы, авария. Всю зиму было спокойно. Сбой программы ты тоже не понимаешь. Не должно было там оказаться собаки в это время!

Она смотрела на него широко открытыми глазами. Её ли это мальчик? Когда он стал взрослым?

– Мам, как мы живём, это не жизнь. Сколько я себя помню, все деньги шли на квартиру. Сначала откладывали каждую копейку. У меня и в той школе был самый дешёвый смартфон, да и то, у последнего в классе. Но там было проще, не один я был такой – нищерброд.

Здесь я один такой. Зачем только вы этот район выбрали! Помнишь Дашу? Мы дружили в прошлом году. За лето она вдруг поняла, что я не человек, а так. Она мне сказала – я тебе не по статусу! А вы же не пьяницы, работяги, каких поискать! Почему мы так живём?

– Артём, этот разговор не здесь.

– А где? Дома я буду не скоро. И когда мы теперь увидимся, на суде? Я хочу, чтоб ты знала, почему я это делал! Я не хочу так жить! Ну окончу институт. Устроиться на хорошую работу не смогу, всё занято детками, племянницами, детьми друзей и знакомых. У вас такие же друзья, как вы сами. И я буду, как вы. А я не хочу!

– Ты говоришь страшные вещи.

– Но когда-то надо было вам это сказать! Я вас очень люблю. И никогда не оставлю, мам, помни это.

Люся уже плакала навзрыд. Не выдержал Денис, подал знак дежурному:

– Свидание окончено.

Он сидел у себя в кабинете. Что остаётся в сухом остатке? Вот оно, поколение зуммеров. Свои требования к жизни. Ищут выход, преступление – самый лёгкий. Хорошо ещё, банду не сколотил банк ограбить, или магазин, по крайней мере.

Бедность страшна не только потерей среднего класса, интеллигенции. Мы теряем поколение зуммеров.

Сейчас они подростки, растёт подростковая преступность, агрессия, потеря веры во всё – в жизнь, в будущее, в справедливость, в добро.

Не об этом нужно думать сейчас. Главное – там не должна была в это время оказаться собака.

Он не может бороться с причинами. Но обязан, по долгу службы, бороться с последствиями.

Сбой программы! Значит, есть программа. Кто-то рядом – крысёныш. С этого надо начинать. Вычислить, вывести на чистую воду!

А если не крысёныш, а Крыс? Надо быть очень осторожным и вычислить этого Крыса. Если смогу, если дадут. Если успею.

Послушаем, что он скажет Оле.

Назаров пропустил свидание Артёма с мамой, был на выезде. А уж с Олей – стоял за спиной Дениса, смотрел, что показывала камера. Если будет утечка, он должен знать, это дорогого стоит.

Оля улыбалась, и Артём радовался её приходу! Было полное впечатление, что они встречаются не в Следственном изоляторе, а у метро, кинотеатра, или в кафе-мороженом.

– Я просил, чтобы тебе разрешили прийти. Не подставлял я тебя, этого не должно было произойти.

– Я знаю. Ни одной секунды не думала, что это подстава. А знаешь, когда в классе услышали, что я курьер, меня просто презирали. А тебя считают героем, прямо типа – партизан. И думают, ты бы справился, а это я виновата. Но я всё сделала, как ты сказал. А там собака. Ей всё равно, кто курьер, пакет она учуяла мгновенно.

– Ты не виновата. Я не имел права втягивать тебя. Сам ввязался, сам и должен был отвечать. Понимаешь...

– Я не спрашиваю, зачем. Ты хотел помочь своим, пицца, это не заработок. У тебя не было другого выхода.

– Да был! Надо было стать программистом. У них нормальные заработки, и работа есть всегда. Адвокат сказал, я там смогу учиться. И английский подтяну, и вообще. Времени терять не буду. И свидания там разрешены. Будешь приезжать?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.